

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия
Догматические исследования

Кириллов А.А.

**ДОГМАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ
О ТАИНСТВЕ ЕВХАРИСТИИ
В ТВОРЕНИЯХ
СВТ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА**

Христианское чтение, 1896, I, с. 26–52, 545–572

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Догматическое учение о таинствѣ евхаристіи

ВЪ ТВОРЕНІЯХЪ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

ВОПРОСЪ о таинствѣ евхаристіи въ послѣднее время сталъ особенно возбуждать къ себѣ живой интересъ, чему главнымъ образомъ поспособствовали новѣйшія стремленія ко взаимному общенію между христіанскими церквами. Для того, чтобы эти стремленія могли имѣть достаточное основаніе для своего осуществленія, необходимо прежде всего опредѣлить тѣ общія догматическія основы, на которыхъ покоится сущность христіанской церкви, такъ какъ безъ опредѣленія этихъ основъ всякія стремленія къ единенію будутъ лишь беспочвенными мечтаніями. Одною изъ такихъ основъ несомнѣнно служить догматическое учение церкви о таинствѣ евхаристіи, какъ такомъ, въ которомъ сосредоточивается, такъ сказать, самое сердце церковно-религіозной жизни христіанскаго міра, и пока нѣтъ согласія во взглядѣ на это таинство, дотолѣ не можетъ быть и единенія. Это вполне понимаютъ и западные богословы тѣхъ независимыхъ церквей и общинъ, которыя ищутъ единенія съ православно-восточною церковію, и потому въ послѣднее время они усердно разрабатываютъ вопросъ о таинствѣ евхаристіи. Понятно, что однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для уясненія этого ученія являются творенія св. отцовъ, какъ великихъ хранителей вѣры, нѣкогда преданной святымъ, и напр. въ старокатолическомъ „Международномъ богословескомъ журналѣ“ было уже нѣсколько подобнаго рода статей ¹⁾. Въ соотвѣтствіе этимъ запросамъ богословской мысли и

¹⁾ См. напр. и въ послѣдней январской книжкѣ за 1896 г. статью проф. Мишо: *Etudes eucharistiques: Comment les Pères ont interprété l'eucharistie.*—«Revue internationale de Théologie», № 13, pp. 130—150.

мы съ своей стороны намѣрены предложить вниманію любителей серьезныхъ богословскихъ вопросовъ опытъ уясненія догматическаго ученія православно-восточной церкви на основаніи твореній св. отцовъ, и теперь беремъ знаменитѣйшаго изъ нихъ, именно св. Іоанна Златоуста, творенія котораго теперь, благодаря новѣйшему изданію с.-петербургской духовной академіи, общають вскорѣ сдѣлаться настольною книгою всякаго православнаго богослова.

Св. Іоаннъ Златоустъ, этотъ ревностѣйшій пастырь Христова стада, мудрый истолкователь тайнъ, вскорѣ же послѣ своей смерти и на Востокъ и Западъ почтенный именемъ „вселенскаго учителя, величайшаго свѣтила міра“ ¹⁾, оставилъ намъ безчисленное множество и притомъ разнообразныхъ произведеній, которыя сохранились до нашихъ дней и которыя не могутъ не возбуждать въ насъ благоговѣйнаго удивленія къ его богатому уму, глубоко проникающему въ тайны Божія домостроительства, его величайшей нравственной опытности съ пастырскою ревностію, его неизмѣрному, неистощимому краспорѣчію. И по отношенію къ избранному нами предмету, въ его бесѣдахъ на новозавѣтныя Писанія, мы встрѣчаемъ подробный комментарий на всѣ мѣста, относящіяся къ евхаристіи, или говоря иначе—находимъ полное толкованіе библейскаго воззрѣнія на это таинство. Такимъ образомъ и судить о взглядѣ самого св. Златоуста мы можемъ, основываясь не на случайныхъ показаніяхъ, которыя, однако, нерѣдки въ его твореніяхъ, но на цѣлыхъ отдѣльныхъ трактатахъ, которые имѣютъ спеціальнымъ своимъ предметомъ таинство св. евхаристіи. Правда, предлагая вниманію слушателей такой предметъ въ публичной бесѣдѣ, онъ естественно долженъ былъ придать своему изложенію особый характеръ,—иное, какъ общезвѣстное, оставить безъ развитія, сославшись на непосредственное

¹⁾ См. «Истор. уч. объ отцахъ церкви»—пр. Филарета, вып. II, стр. 305. Ср. «Жизнь св. Іоанна Златоуста, архіепископа константинопольскаго Москва, 1860 г.,—«Жизнь и труды св. отцевъ и учителей церкви», Фаррара. въ перев. А. Н. Долухина и пр.

сознаніе вѣрующихъ; но съ другой стороны это же самое обстоятельство, что онъ говоритъ съ церковной каюедры, какъ власть имѣющій по сану предстоятеля церкви, придаетъ его мыслямъ особую силу, особое значеніе. Наша задача при изслѣдованіи твореній св. архіепископа константинопольскаго по отношенію къ вопросу объ евхаристіи должна состоять въ слѣдующемъ: прежде всего и главнымъ образомъ мы должны остановиться своимъ вниманіемъ на бесѣдахъ его, содержащихъ въ себѣ комментарій на новозавѣтныя мѣста, касающіяся таинства евхаристіи, каковы: 1) 82 бесѣда на Евангеліе Матвея, 2) 46 и 47 — на Ев. Іоанна и 3) 24 на 1 посланіе ап. Павла къ Коринѳянамъ, а затѣмъ 4) разсмотрѣть другія болѣе выдающіяся мѣста, относящіяся до евхаристіи, съ преимущественнымъ вниманіемъ къ тому, что составляетъ особенность во взглядѣ св. отца сравнительно съ разсмотрѣнными бесѣдами.

1. Первая изъ указанныхъ бесѣдъ содержитъ въ себѣ комментарій вселенскаго учителя на описанное евангелистомъ Матеемъ установленіе таинства и начинается, непосредственно за словами евангелиста (XXVI, 26—28), укоризною предателю: ¹⁾ „Увы, говоритъ онъ, какое ослѣпленіе предателя! Причащаясь и таинствъ (*καὶ τῶν μυστηρίων μετέχων*), остался тотъ же; и *наслаждается страшнѣйшей трапезы* (*τῆς φοβερότατης ἀπολόβων τραπεζῆς*), не измѣнился. И это показываетъ Лука словами: послѣ сего вошелъ сатана въ него, *не тѣломъ Владыки пренебрегая*, но издѣваясь надъ безстыдствомъ предателя. Ибо его согрѣшеніе было велико въ двухъ отношеніяхъ: и потому, что съ такимъ расположеніемъ приступилъ къ таинствамъ (*τοῖς μυστηρίοις*), и потому, что не сдѣлался лучшимъ ни отъ страха, ни отъ благодѣянія, ни отъ чести“ ²⁾. Далѣе разсказывается исторія самаго установленія св-

¹⁾ S. Joann. Chrysost. op. t. VII, pars 2, in Mattheam hom. LXXXII, n. 1, col. 737.

²⁾ Замѣтимъ кстати, что подъ таинствами, какъ очевидно изъ хода рѣчи, св. Златоустъ разуметь «страшнѣйшую трапезу», т. е. евхаристію. И вообще названіе: «τὰ μυστήρια» у него служитъ какъ бы собственнымъ именемъ этого таинства. Правда, иногда онъ замѣняетъ его другимъ наименованіемъ—*τραπεζῆς* съ различными эпитетами, то *φοβερά*, то *φρικτῆ* или *φρικώδης* и *φρικώδεστάτης*,

харистіи. Христось таинствами напоминаеть ученикамъ о закланіи и среди трапезы бесѣдуетъ о крестѣ; ученики смѣтились. И когда они ѣли, (Иисусъ), взявши хлѣбъ, преломилъ. „Для чего“, спрашиваетъ затѣмъ святитель, „совершаетъ Онъ это таинство (τὸ μυστήριον τοῦτο) во время Пасхи?“ И отвѣчаетъ: „чтобы ты отовсюду научился, что и ветхаго завѣта Онъ законоположникъ. *И въ какое время былъ образъ, въ такое же полагаетъ и истину...* И благодарить, научая насъ, какъ совершать это таинство, и показывая, что добровольно идетъ на страданіе. Если образъ былъ освобожденіемъ отъ рабства, то тѣмъ болѣе истина освободить вселенную. Потому и не прежде установилъ таинство, но тогда, какъ законное должно было миновать, главизну ветхозавѣтныхъ праздниковъ разрушаетъ и, перенося ихъ (учениковъ) на новую страшнѣйшую трапезу, говоритъ: *примите, ядите: сіе есть тѣло Мое, за многихъ ломимое. И отчего не смутились они, услышавъ это?* Оттого, что много великаго Онъ говорилъ уже о семъ. Выставляетъ и причину страданія — отъятіе грѣховъ. Называетъ и кровь новаго завѣта, т. е. обѣщанія, возвѣщенія новаго закона. Ибо это и въ древности обѣщаль, и это составляетъ новый завѣтъ. *И какъ древній содержалъ кровь овецъ и тельцовъ, такъ этотъ кровь Владычню.* И опять говоритъ о причинѣ смерти: „(кровь), изливаемая за многихъ въ оставленіе грѣховъ“ и присовокуляетъ: сіе творите въ Мое воспоминаніе. Кровь ветхозавѣтнаго агнца была излита за спасеніе первородныхъ, эта же въ оставленіе грѣховъ всей вселенной. Сіа есть кровь Моя, говоритъ, изливаемая за многихъ въ оставленіе грѣховъ. *Говорилъ это, вмѣстѣ показывая, что таинство (τὸ μυστήριον) есть страданіе и крестъ, и въ то же время утѣшавъ этимъ учениковъ.* Желаніемъ, говоритъ, возжелалъ ѣсть пасху эту, т. е. предать вамъ новыя дѣла и дать пасху, которою Я намъ преемался съѣсть васъ духовными. И, самъ Онъ нилъ отъ нея. Ибо, дабы услышавъ это, они не сказали: итакъ,

то даже πνευματικῆν и πνευματικῆν καὶ ἱερά, наконецъ и μυστικῆν. Можно предположить, что св. Златоустъ какъ бы сравниваетъ и противопоставляетъ величайшее таинство христіанской вѣры языческимъ мистеріямъ, которыя, безъ сомнѣнія, ему были извѣстны, обозначая ихъ однимъ и тѣмъ же терминомъ.

что? кровь мы пьемъ и плоть ѣдимъ? и не смутились бы тогда. (потому что когда Онъ завелъ рѣчь объ этомъ, тогда многіе соблазнились относительно сихъ словъ),—итакъ, чтобы они и тогда не возмутились, Онъ первый сдѣлалъ это, побуждая ихъ necessarily къ общенію таинствъ. Посему Онъ шилъ Свою собственную кровь. Что же? Не должно ли, скажешь ты, совершать и древнее и новое таинство? Не должно. Ибо Христосъ для того сказалъ: „сіе творите“, чтобы отклонить отъ древняго. *Если новѣ таинство даруетъ оставленіе грѣховъ, а оно дѣйствительно и даруетъ*,—то древнее будетъ излишнее. Посему какъ у іудеевъ, такъ и здѣсь, съ таинствомъ мы соединяемъ воспоминаніе благодѣянія, и сими заграждаемъ уста еретиковъ. Когда они говорятъ: откуда извѣстно, что Христосъ принесъ Себя въ жертву?—то мы кромѣ другихъ свидѣтельствъ заграждаемъ ихъ самими таинствами. Ибо если Іисусъ не умеръ, то что означаютъ исполнившіеся образы (σύμβολα τὰ τελοῦμενα)?“¹⁾ Здѣсь прежде всего достойно примѣчанія то, что св. Златоустъ противопоставляетъ ветхозавѣтную пасху новозавѣтному таинству и первую считаетъ образомъ, а послѣднее признаетъ истинною²⁾, называетъ ее пасхою, которая πνευματικὸς ποιεῖ. Но подобное выраженіе еще ничего не говоритъ о взглядѣ св. отца на таинство евхаристіи; оно можетъ быть понято и надлежащимъ образомъ объяснено только при свѣтѣ другихъ болѣе ясныхъ мѣстъ. Несомнѣнно, что св. Златоустъ въ данномъ мѣстѣ ставитъ въ тѣсную связь ветхозавѣтную кровь жертвенныхъ агнцевъ, Владычнюю кровь новаго завета, и установленное Господомъ въ воспоминаніе Его страданій и крестной смерти таинство. Въ ветхомъ заветѣ, по его словамъ, приносилась въ жертву истинная кровь агнца, она изливалась за спасеніе первородныхъ; въ новомъ заветѣ Іисусъ Христосъ также истинно излилъ кровь Свою въ жертву Богу и излилъ ее въ оставленіе грѣховъ всей вселенной; потому, какъ ветхій содержалъ кровь тельцовъ и агнцевъ, такъ *новый содержитъ кровь Господа Христа*. Эту-то кровь Онъ и преподаетъ теперь всѣмъ.

¹⁾ κ. τολ. Ibid., col. 738—739.

²⁾ Ср. то же самое у св. Григорія Богослова.

вѣрующимъ въ таинствѣ, ею Онъ причастилъ учениковъ и, чтобы они не смутились, Онъ самъ первый пилъ Свою собственную кровь. Мысль о реальномъ присутствіи тѣла и крови Христа въ евхаристіи здѣсь утверждается съ достаточною ясностію. Слова Спасителя, относящіяся къ хлѣбу и вину евхаристіи, которые уже не хлѣбъ и вино, а тѣло и кровь Его, принимаются въ строго буквальномъ смыслѣ. Ученики Христовы, говоритъ св. вселенскій учитель, посмотрѣли на дѣло установленія таинства такъ, какъ даетъ понять ясный и прямой смыслъ словъ Іисуса Христа, т. е. они поняли ихъ въ буквальномъ смыслѣ, въ смыслѣ реального вкушенія тѣла и реального питья крови Христа. Конечно, при этомъ они легко могли и смутиться. Въ оправданіе возможности такого явленія св. Златоустъ указываетъ на бывшіе факты, приводитъ на память бесѣду Спасителя о хлѣбѣ животномъ, изложенную евангелистомъ Іоанномъ (въ VI гл.), и говоритъ, что, понявъ ее чувственно, многіе изъ послѣдователей Христа соблазнились и отошли прочь. Это смущеніе ихъ тѣмъ болѣе было бы понятно въ то время, какъ пришлось бы имъ уже вкушать самое тѣло и пить самую кровь. Но снисходительно-милосердый Владыка, въ предупрежденіе сего, по челоуѣколюбію Своему, Самъ показываетъ примѣръ, первый пьетъ Свою собственную кровь и тѣмъ разрѣшаетъ смущеніе учениковъ, — послѣ чего они уже безбоязненно вкушаютъ предложенное. Слѣдовательно, *по мысли св. отца, при первомъ актѣ совершенія евхаристіи участвующіе въ ней на самомъ дѣлѣ причастились тѣла и крови Іисуса Христа.* Но Тайноучредитель разнавсегда сказалъ: „сіе есть тѣло Мое, сія есть кровь Моя“ и заповѣдалъ Своимъ ученикамъ творить то же самое въ Его воспоминаніе; при томъ новый завѣтъ дѣйствительно содержитъ кровь Владычную, излитую за насъ на Голгоѣѣ. Значитъ, что было въ моментъ установленія таинства, то же, нужно предположить, бываетъ и во все послѣдующее время его совершенія, тѣмъ болѣе, что тогда, при первомъ вкушеніи, тѣло Христа еще не было пригвождено ко кресту и кровь Его не была излита, а между тѣмъ Онъ самъ пилъ Свою кровь и учениковъ Своихъ приоб-

щилъ ею; не слѣдуетъ ли отсюда, не естественно ли на этомъ основаніи заключить, что и всегда, согласно слову Спасителя, въ евхаристіи реально присутствует истинная кровь Его, послѣ того какъ уже совершилась Голгооская жертва? Понятно, что и нынѣ вѣрующіе принимаютъ тѣло и кровь Господа Іисуса. Поэтому-то именно св. евхаристія служить, по слову св. отца, какъ непреложнымъ доказательствомъ того, что воплотившійся Сынъ Божій дѣйствительно принесъ Себя въ жертву, ибо самое „таинство“, по нему, „есть страданіе и крестъ“, такъ вмѣстѣ и воспоминаніемъ о Его чрезвычайномъ благодѣяніи, пекущительной Его смерти за насъ. Слѣдовательно, по ученію св. Златоуста, судя по вышеприведеннымъ его словамъ, въ таинствѣ св. евхаристіи несомнѣнно истинно, реально присутствуетъ пречистое тѣло Господа Іисуса Христа и Его честная кровь¹⁾. Далѣе св. отецъ вторично упоминаетъ, что Господь и самими таинствами непрестанно напоминаетъ о Своемъ страданіи (*διηρκῶς ἀναμίσκει τὸ πάθος καὶ διὰ τῶν μυστηρίων*), дабы никто не былъ обольщенъ лжеученіями, подобными Маркіонову, Валентинову и Валесову, которыми отвергалось строительство спасенія, и такимъ образомъ *сею священною трапезою Онъ и спасаетъ и вмѣстѣ наставляетъ*, ибо это есть начало благовѣстия (*ἀρχὴ τοῦ εὐαγγελίου*); а потомъ переходитъ къ объясненію дальнѣйшихъ словъ Христа—по Евангелію Матоея: „отнынѣ не буду пить отъ плода сего винограднаго до того дня, когда буду пить съ вами новое вино въ царствѣ Отца Моего (ст. 29), — при чемъ высказываетъ.

¹⁾ Доказательствомъ этого могутъ служить и тѣ слова св. отца, въ которыхъ «страшнѣйшая трапеза» приравнивается и принимается синонимомъ къ «Владычнему тѣлу», что мы видимъ въ самомъ началѣ бесѣды. Кроме того въ разсматриваемомъ мѣстѣ можно видѣть намѣкъ на допущеніе преложенія, претворенія вишнихъ элементовъ таинства. Здѣсь говорится, что Христосъ Самъ за вечерю первый, дабы разсвѣить смущеніе учениковъ, пилъ Свою собственную кровь; между тѣмъ она фактически еще не была излита за грѣхи міра на крестѣ; слѣдовательно она была образована изъ вина всемогущею силою Тайноучредителя и была прията Имъ въ Свое единеніе, послѣ чего и стало возможнымъ самое причащеніе. Тоже, очевидно, приложимо и къ плоти—хлѣбу. И что дѣйствительно св. Златоустъ допускалъ претвореніе даровъ, это открывается изъ послѣдующаго, о чемъ см. ниже.

что какъ это, такъ и то, что Господь Христосъ по Своемъ воскресеніи пилъ не воду, а вино, сказано, съ тою цѣлю, дабы показать, что въ „таинствахъ“ необходимо употреблять вино, а не воду, подобно тому, какъ и при установленіи его было употреблено вино. Пользуясь замѣчаніемъ евангелиста: „и восцѣвъ, пошли въ гору Елеонскую“, св. отецъ дѣлаетъ укориэну какъ тѣмъ, которые отходятъ отъ обыкновенной трапезы безъ молитвы и встаютъ отъ нея въ пьянствѣ, такъ и тѣмъ, кои не ожидаютъ окончанія молитвы при совершеніи таинствъ, а эта молитва есть образъ той молитвы. Христосъ, говоритъ онъ, возблагодарилъ прежде, нежели предложилъ трапезу ученикамъ, дабы и мы благодарили. Благодарилъ и восцѣлъ и послѣ, дабы и мы дѣлали то же самое¹⁾.

Не менѣе важное значеніе имѣеть для насъ и приложеніе къ бесѣдѣ, высказанное св. отцемъ послѣ объясненія предсказанія Спасителя о паденіи апостола Петра, въ каковомъ приложеніи св. Златоустъ говоритъ слѣдующее: *„Будемъ во всемъ повиноваться Богу и ни въ чемъ не будемъ противорѣчить, хотя бы слова Его и казались противными нашимъ мыслямъ и созерцаніямъ, но да управляетъ слово Его нашими мыслями и созерцаніемъ. Такимъ же образомъ будемъ поступать и по отношенію къ таинствамъ, не на вѣншность только взирая, но содержа въ умѣ своемъ слова Христа. Ибо слово Его непреложно, а наше чувство легко обольщается. Первое никогда не погрѣшаетъ, а послѣднее часто обманывается. Посему, когда Христосъ говоритъ: „сіе есть тѣло Мое“, то убѣдимся, будемъ вѣрить и смотрѣть на сіе духовными очами. Христосъ не предалъ намъ ничего чувственнаго, но все духовное—только въ чувственныхъ вещахъ. Такъ и въ крещеніи чрезъ чувственную вещь—воду сообщается даръ, а духовное дѣйствіе состоитъ въ рожденіи и возрожденіи. или обновленіи. Если бы ты былъ безтѣлесенъ, то Христосъ сообщилъ бы тебѣ сіи дары безтѣлесно; поелику же душа твоя соединена съ тѣломъ, то духовное сообщаетъ Онъ тебѣ чрезъ чувственное. Сколь многіе нынѣ говорятъ: желалъ бы я видѣть лице Христа, образъ, одежду, са-*

¹⁾ Ibidem, n. 2, col. 739—740.

поги! *Вотъ ты видишь Его, прикасаешься къ Нему, вкушаешь Его.* Ты желаешь видѣть одежды Его; а Онъ даетъ тебѣ не только видѣть Себя, но и касаться, и вкушать и принимать внутрь. Итакъ, никто не долженъ приступать съ небреженіемъ, никто съ малодушіемъ, но все съ пламенною любовью, все съ горячимъ усердіемъ и бодростію. Ибо если іудеи ѣли агнца съ готовностію, стоя и имѣя сапоги на ногахъ и жезлы въ рукахъ, то гораздо болѣе тебѣ должно бодрствовать, потому что они готовились идти въ Палестину, посему и имѣли видъ путешественниковъ, а ты готовишься идти на небо“ ¹⁾. На нашъ взглядъ, это мѣсто служитъ новымъ и весьма сильнымъ подтвержденіемъ вѣры св. Златоуста въ дѣйствительное присутствіе тѣла и крови Христа въ евхаристіи. Здѣсь св. архіепископъ константинопольскій, подобно Кириллу Іерусалимскому, Ефрему Сирину, убѣждаетъ своихъ слушателей въ отношеніи къ евхаристіи полагаться не на свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ, которыя перѣдко обманываются, но вѣрить въ непреложныя слова Господа, смотрѣть на дѣло духовными очами (*νοητοῖς ὀφθαλμοῖς*). И хотя чувственный глазъ, по его слову, видитъ въ таинствѣ хлѣбъ и вино, тѣмъ не менѣе духъ нашъ, способствующій вѣроу, долженъ убѣждаться въ невидимомъ—непостижимомъ, въ томъ, что тутъ тѣло и кровь Господа Христа. Стремясь доказать эту мысль и сдѣлать ее удобопріемлемою, онъ разъясняетъ, что такая двойственность зависитъ отъ того, что самъ человѣкъ состоитъ изъ двухъ частей—духовной и чувственной—души и тѣла, вслѣдствіе чего Христосъ сообщаетъ ему невидимые духовно-благодатныя дары при посредствѣ чувственныхъ вещей. И въ св. евхаристіи есть видимая сторона—матеріальныя вещества; но эту внѣшнюю сторону нужно строго отличать отъ заключающейся подъ нею дѣйствительности, недоступной для чувственного взора. Доказательствомъ того, что слова св. отца нельзя понимать въ спиритуалистическомъ смыслѣ, намъ кажется, съ достаточною ясностію служить уже то обстоятельство, что, по его слову, великій вѣрующій, который желаетъ собственными глазами видѣть Христа, въ ехва-

¹⁾ Ibidem, n. 4, col. 743.

ристiи получаетъ несравненно большее,—здѣсь онъ можетъ не только видѣть Его (*οὐκ ἰδεῖν μόνον*), но и прикасаться или осязать, (*ἀλλὰ καὶ ἄψασθαι*), и вкушать (*καὶ φαγεῖν*), и получать внутрь (*καὶ λαβεῖν ἔνδον*). Если послѣднее выраженіе — *λαβεῖν ἔνδον* = принять внутрь, сверхъ физическаго, чувственнаго прiятiя чего-либо внутрь, можетъ еще быть объяснено въ смыслѣ духовнаго, внутренняго воспрiятiя, то возможно ли другія два и по дважды употребленныя выраженiя—*αὐτοῦ ἅπτη αὐτόν ἐσθίεις*. (Его касаешься, Его ѣшь), и *ἄψασθαι καὶ φαγεῖν* (т. е. *δίδωσιν*)—принимать въ значенiи лишь духовнаго воспрiятiя и полученiя тѣла Христова, только въ смыслѣ сообщенiя его нашей душѣ? ¹⁾ Между тѣмъ есть и такіе изслѣдователи, которые находятъ въ словахъ св. отца подобный взглядъ на общеніе наше со Христомъ въ таинствѣ. Обыкновенно они ²⁾ обращаютъ вниманіе на очевидную противоположность встрѣчающихся здѣсь терминовъ: *αἰσθητὰ - νοητὰ* и представляютъ дѣло такъ: по св. Златоусту, будто-бы все, установленное Христомъ, есть духовное, мысленное = *νοητόν*, а не чувственное = *αἰσθητόν*, и мы должны смотрѣть на него духовными очами—*νοητοῖς αὐτὸ βλέπωμεν ὀφθαλμοῖς*; такъ и въ евхаристiи тѣло Христа будто бы не можетъ быть для насъ видимо, осязаемо, вкушаемо и вообще не можетъ быть объектомъ чувственнаго воспрiятiя; оно объектъ нашей мысли, предметъ духовнаго только воспрiятiя,—оно дѣйствительно входитъ въ единеніе съ нами, но только духовное, а не чувственно-духовное. Въ подтвержденіе такого толкованiя взгляда св. отца пользуются и приводимымъ у него примѣромъ крещенiя, въ которомъ вода, говорятъ, есть нѣчто чувственное—*αἰσθητόν*, реально же объективное, касающееся не нашего тѣла, а нашей души, „*νοητόν*“—

¹⁾ Глаголь *ἅπτω* въ языкѣ классическомъ означаетъ завязываю, привязываю, прикрѣпляю; хватаю, поражаю обыкновенно; съ родительнымъ падежемъ—касаюсь, трогаю, беру кого за... (у Гом.)—ср. русское «хапаю»; слѣдовательно имъ означается прикосновеніе—въ матеріальномъ смыслѣ, осязаніе. Смотр. Лексик. Коссовича, ч. I, стр. 215—216. Ср. Лексик. Бензелера и Паппе. Тѣмъ болѣе тоже должно сказать относительно глагола—*ἐσθίω* и *αοριστ.* ср. *φαγεῖν*.

²⁾ Мы имѣемъ въ виду преимущественно Еббарда,—(«Das Dogma vom heiligen Abendmahl und seine Geschichte», В. I,—Francf. a M. 1845, S. 284—287).

есть возрожденіе и обновленіе (γέννησις καὶ ἀνακαίνισις), одно только связано съ другимъ, одно сопребываетъ съ другимъ. Такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, взгляды св. Златоуста на евхаристію такой: въ ней мы вкушаемъ хлѣбъ и вино, — это αἰσθητὸν, но сущность ея, νοητὸν — есть одновременное съ тѣмъ актомъ принятіе внутрь себя Христа, внутреннее, духовное единеніе съ Нимъ, такъ что „если бы св. Златоусту былъ предложенъ вопросъ: хлѣбъ и вино суть ли только символы, или чувственные образы установившагося вообще между нами и Христомъ отношенія, или только простые знаки воспоминанія для нашего разума, то онъ отвѣтилъ бы отрицаніемъ и объявилъ бы хлѣбъ и вино залогомъ одновременнаго, соединеннаго съ тѣлеснымъ ихъ вкушеніемъ, внутренняго реального общенія Христа съ нашею душою; точно также, если бы его спросили: находятся ли въ хлѣбѣ и винѣ тѣло и кровь Христа и вмѣстѣ съ ними входятъ ли въ насъ чрезъ наши уста, то онъ опять бы отвѣтилъ отрицаніемъ и сказалъ бы, что съ тѣлеснымъ вкушеніемъ залога, по обѣтованію Христа, связывается одновременное внутреннее общеніе Иисуса съ душою“. — Изъ этого объясненія можно принять за несомнѣнное то, что, по св. Златоусту, установленное Иисусомъ Христомъ таинство есть духовное, мысленное, νοητὰ, хотя и въ чувственныхъ формахъ, въ тѣсной связи съ αἰσθητὰ, и что на таинство нужно смотрѣть νοητοῖς ὀφθαλμοῖς; но отсюда, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ, что духовное созерцаніе, смотрѣніе νοητοῖς ὀφθαλμοῖς въ отношеніи къ евхаристіи состоитъ именно въ томъ, чтобы въ ней только видѣть внутреннее единеніе со Христомъ нашей души, происходящее одновременно со вкушеніемъ вѣшнихъ элементовъ. Самъ св. отецъ учитъ насъ въ данномъ случаѣ полагаться исключительно на слова Спасителя, вѣрить въ ихъ непреложность и, смотря на хлѣбъ и вино евхаристіи, видѣть *въ нихъ*, согласно обѣтованію Господа Христа, истинное Его тѣло и истинную кровь Его. Для утвержденія этой мысли онъ хочетъ отвлечь вниманіе вѣрующихъ отъ видимаго и стремится обратить ихъ взоръ на невидимое, разъясняя необходимость и той и другой стороны въ таинствѣ словами, что Христосъ предалъ намъ, чувственно-духов-

нымъ личностямъ, духовные дары, только въ чувственныхъ вещахъ (*ἐν αἰσθητοῖς πράγμασι*), или чрезъ, при посредствѣ (*διὰ*) видимыхъ вещей. И примѣръ крещенія служитъ только къ поясненію этой необходимости двухъ сторонъ въ таинствѣ. Въ немъ — въ чувственной вещи — водѣ дается духовное благовозрожденіе и обновленіе. Такъ и въ евхаристіи не съ видимымъ актомъ — вкушеніемъ хлѣба и вина только соединяется благодатное, внутреннее общеніе со Христомъ, но въ самомъ вкушеніи внѣшнихъ элементовъ, представляющихся для чувственного взора хлѣбомъ и виномъ, должно содержаться на немъ дѣйствительное общеніе съ Нимъ, чрезъ нихъ должно случиться и послѣднее. Повторяемъ: св. отецъ хочетъ здѣсь лишь разъяснить, что даръ благодати, какъ и все сверхчувственное, можетъ быть сообщено чрезъ внѣшнія условія, въ матеріальныхъ вещахъ: *ἐπειδὴ σῶμα συμπλέκται ἢ ψυχῇ, ἐν αἰσθητοῖς τὰ νοητὰ σοι παραδίδωσι* (Χριστός), т. е. „такъ какъ душа твоя соединена съ тѣломъ, то и духовное Онъ (Христосъ) сообщаетъ тебѣ въ чувственномъ“; слѣдовательно, и тѣснѣйшее общеніе съ Самимъ Собою, это *νοητὰ* евхаристіи Онъ сообщаетъ въ воспринимаемыхъ внѣшними чувствами элементахъ — хлѣбѣ и винѣ; но мы, по его выраженію, „не на внѣшность должны взирать, но содержать въ умѣ слова Христа“, и вѣрить, что, вкушая хлѣбъ и вино евхаристіи, на самомъ дѣлѣ реально принимаемъ въ себя Христа, Его пречистое тѣло и Его честную кровь. Съ такимъ пониманіемъ совершенно мирятся и вполне становятся понятными дальнѣйшія, какъ-бы для усиленія дважды повторенныя, слова св. отца, что вѣрующій въ св. евхаристіи не только видитъ Господа Иисуса Христа, но и прикасается къ Нему, вкушаетъ Его, принимаетъ внутрь. Съ этой только точки зрѣнія и все дальнѣйшее разсужденіе св. отца представляется логически связнымъ, послѣдовательнымъ и совершенно понятнымъ. Вотъ что мы находимъ тамъ: „Итакъ, должно всегда бодрствовать; не малое предстоитъ наказаніе тѣмъ, которые недостойно приобщаются. Подумай, сколь много ты погодуешь на предателя и на тѣхъ, которые расяли Христа. Итакъ берегись, чтобы и тебѣ не сдѣлаться виновнымъ противъ тѣла и крови Христа (*μὴ καὶ αὐτός*

ἐνοχος γένῃ τοῦ σώματος καὶ αἵματος τοῦ Χριστοῦ). Они умертвили всесвятое тѣло, а ты принимаешь его нечистою душею послѣ толикихъ благодѣяній“. — По мнѣнію св. Златоуста, недостойно причащающійся заслуживаетъ одинаковое наказаніе съ распятыми Господа Христа. потому что и тѣ и другіе одинаково виновны противъ тѣла и крови Его; слѣдовательно, какъ тамъ было распято истинное тѣло Его, такъ и здѣсь принимается истинное же тѣло. Но въ послѣднемъ случаѣ, говоритъ св. отецъ, оно принимается душею (ψυχῇ),—стало быть, принимается въ смыслѣ спиритуалистическомъ? Какъ бы въ предупрежденіе, чтобы кто-нибудь не подумалъ такъ, онъ и продолжаетъ: „Ибо не довольно было для Него того, что Онъ содѣлался человѣкомъ, былъ заушаемъ и умерщвленъ; но Онъ еще *сообщаетъ Себѣ намъ* (καὶ αναφέρει ἑαυτὸν ἡμῖν), и не впрямую только, но и самымъ дѣломъ *содѣлываетъ насъ Своимъ тѣломъ* (καὶ οὐ τῇ πίστει μόνον, ἀλλὰ καὶ αὐτῷ τῷ πράγματι σῶμα ἡμᾶς αὐτοῦ κατασκευάζει)“. — Нельзя, конечно, понять эти слова въ томъ смыслѣ, что Христосъ будто бы духовно лишь соединяется съ нами, что мы не только субъективно вѣримъ, думаемъ быть, но и дѣйствительно становимся, влѣдствіе этого внутренняго единенія съ нами, Его тѣломъ, дѣйствительно принимаемъ Его въ себя, въ свою душу. Св. отецъ хочетъ здѣсь сказать не о способѣ нашего общенія со Христомъ, не о томъ, что мы дѣйствительно, а не мечтательно, вступаемъ въ центральное, внутреннее общеніе съ Нимъ, но о способѣ общенія Господа Христа съ нами, о томъ, что Онъ самымъ дѣломъ—αὐτῷ τῷ πράγματι, а не духовно только содѣлываетъ насъ Своимъ тѣломъ; значитъ, единеніе Его съ нами не духовное только, внутреннее, центральное, но дѣйствительное, реальное, есть общеніе Его со всѣмъ нашимъ и духовнымъ и физическимъ организмомъ. И если дѣйствительно Онъ удѣляетъ Себя намъ, если мы дѣйствительно принимаемъ Его плоть и кровь, то сія послѣдняя, какъ принадлежащія Всемогущему, натурально производятъ то, что мы становимся причастниками, общниками Его естества. Самъ св. Златоустъ подтверждаетъ нашъ взглядъ дальнѣйшими словами. Сказавъ, что Христосъ „не только впрямую, но и самымъ дѣломъ

насъ Своимъ тѣломъ содѣлываетъ“, онъ продолжаетъ: „сколь же чистъ долженъ быть тотъ, кто наслаждается сею жертвою! Сколь чище всѣхъ лучей солнечныхъ должна быть рука, раздробляющая эту плоть (τὴν ταύτην τὴν σάρκα), уста, наполненные духовнымъ огнемъ, языкъ, обограемый страшною кровію! Помысли. какой чести удостоенъ ты, какую наслаждаешься трапезою! На что съ трепетомъ взирають ангелы, и не смѣютъ воззрѣть безъ страха, по причинѣ исходящаго отсюда сіянія, тѣмъ мы питаемся (τοῦτο ἡμεῖς τρεφόμεθα), съ тѣмъ сообщаемся (τοῦτο ἀναφορόμεθα) и дѣлаемся однимъ тѣломъ и одною кровію со Христомъ (καὶ γεγόναμεν ἡμεῖς Χριστοῦ σῶμα ἐν καὶ σάρξ μία). Кто возлагаетъ силы Господни, слышаны сотворить вся хвалы Его (Шсал. XV, 2)? Какой пастырь питаетъ овецъ собственными членами? Но что я говорю — пастырь? Часто бывають такія матери, которыя новорожденныхъ младенцевъ отдають кормилицамъ. Но Христосъ не потерпѣлъ сего. *Онъ питаетъ насъ Своею кровію* (др. плотію) *и чрезъ сіе соединяетъ насъ съ Собою* (αὐτὸς ἡμᾶς τρέφει οἰκείῳ αἵματι)“.— Очевидно, эти слова св. отца нельзя уже понять въ значеніи духовнаго только принятія Христа. Противъ этого говорить и приведенный примѣръ питанія младенцевъ. Христосъ истинно питаетъ насъ Своими собственными членами, Своею плотію и кровію, именно въ таинствѣ евхаристіи, почему мы и должны стремиться къ сей „священной трапезѣ и къ сосуду духовной чаши“, чтобы соединиться со Христомъ. Какъ бы въ доказательство возможности такого питанія нашего св. отецъ учитъ, что дѣйствія сего таинства совершаются не человѣческою силою. „Тотъ, Кто сотворилъ ихъ на оной вечери, совершаетъ ихъ и нынѣ. *Мы занимаемъ мѣсто слугъ*, говоритъ затѣмъ святитель, *освящаетъ же и претворяетъ дары самъ Христосъ*“. Потому къ ней не должны приступать тѣ, кои не изъ числа учениковъ Христовыхъ. Эта трапеза та же, (которую предложилъ Христосъ), и ничѣмъ не меньше оной. Нельзя сказать, что ту устраиваетъ Христосъ, а эту—человѣкъ, но ту и другую—самъ Христосъ ¹⁾.

¹⁾ S. Ioann. Chrysost. op. t. VII, 2, in Matth. hom. LXXXII, n. 6, col. 743—744.

Если мы, судя по словамъ св. Златоуста, что Иисусъ Христосъ самъ пилъ Свою кровь и сдѣлалъ причастниками ея учениковъ, когда эта кровь еще не была фактически излита на крестѣ, высказали ранѣе предположеніе, что онъ допускалъ идею претворенія даровъ, то здѣсь находимъ неоспоримое подтвержденіе этого своего предположенія. Предлежащее, говоритъ св. Златоустъ, дѣло не человѣческой силы; таинство св. евхаристіи и нынѣ совершаетъ Тотъ-же, Кто совершилъ его въ первый разъ; какъ и что было тогда, такъ то же совершается и теперь; ту и другую трапезу устрояетъ самъ Христосъ. Правда, между ними есть и различіе: ту І. Христосъ совершилъ безъ всякаго посредства, а эту совершаетъ при посредствѣ слугъ—пастырей церкви; но существенное, главнѣйшее дѣйствіе—освященіе и претвореніе даровъ принадлежитъ Ему одному, „*освящающій же (ἀγιάζων) и претворяющій (μετασχεοῦζων) ихъ—Онъ самъ*“. Остается неразъясненнымъ только, въ чемъ именно состоитъ освященіе и претвореніе даровъ¹⁾. Достоверно одно: св. отецъ допускалъ такое дѣйствіе Тайноучредителя—Господа І. Христа, по которому хлѣбъ и вино евхаристіи становятся истиннымъ тѣломъ и истинною кровью Его. Вслѣдствіе сего понятно и дальнѣйшее обращеніе св. вселенскаго учителя къ „служителямъ таинства“ съ увѣщаніемъ, что они понесутъ не малое наказаніе, если, признавъ кого-либо нечестивымъ, будь онъ полководецъ, или начальникъ, или даже украшенный діадимомъ, позволятъ причаститься сей трапезы; они поставлены наблюдать за этимъ и въ томъ ихъ достоинство, важность и вѣнецъ. Не столь опасно, утверждаетъ онъ, приступать къ сему таинству бѣснуемымъ, сколько тѣмъ, которые, какъ говоритъ Павелъ, *попираютъ Христа*, не почитаютъ за святую кровь завѣта и ругаются надъ благодатію Духа (Евр. X, 29). Приступающіе недостойно предаются вѣчному мученію... Убоявшись самъ, говоритъ онъ въ заключеніе священнодѣйствующему пресвитеру, скажи мнѣ. Я скорѣе предамъ душу свою, чѣмъ при-

¹⁾ Не даютъ о томъ яснаго понятія и употребленные здѣсь термины: ἀγιάζων—освящающій очищающій и μετασχεοῦζων—пересооружающій, передѣлывающій, перемѣняющій, удаляющій.

чащу страшной крови того, кого не должно“. Заключение — достойное вѣры великаго пастыря. Еще разъ высказавъ свое убѣжденіе, что принимающій таинство принимаетъ въ себя самого Христа, почему и приступающій недостойно — попираетъ Сына Божія, онъ убѣждаетъ священнослужителей допускать къ святынь только лицъ достойныхъ, а нечестивыхъ удалять, не взирая на ихъ общественное положеніе, и тѣмъ запечатлѣваетъ свой взглядъ на величіе таинства. Итакъ, въ разсмотрѣнной бесѣдѣ 1) излагается ученіе о дѣйствительномъ присутствіи Иисуса Христа въ евхаристіи; 2) о реальномъ принятіи вѣрующими тѣла и крови Его, а не о внутреннемъ, духовномъ только сдвиненіи съ Спасителемъ; 3) дается разъясненіе того, почему въ таинствѣ евхаристіи находятся и нужны внѣшніе элементы и 4) говорится, что св. дары освящаютъ и претворяетъ самъ Господь Иисусъ Христосъ.

2. Изъ бесѣдъ св. Златоуста на евангеліе Іоанна къ нашему предмету относятся главнымъ образомъ двѣ: XLVI и XLVII, хотя начало толкованія на ученіе Спасителя „о хлѣбѣ животномъ“ находится и въ XLV бесѣдѣ, въ которой, между прочимъ, говорится, что Иисусъ Христосъ словами, обращенными къ іудеямъ: „Отецъ Мой дастъ вамъ хлѣбъ истинный съ небесъ (VI гл. 32 ст.),“ указалъ на Себя. „Хлѣбомъ же истиннымъ, въ противоположность маниѣ, называетъ этотъ хлѣбъ не потому, что чудо надъ мапною было ложно, а потому, что она была образомъ, а не самою истиною. Намѣреваясь затѣмъ приступить къ ученію о таинствѣ, Онъ сначала бесѣдуетъ о Своемъ Божествѣ, говоря: «Я есмь хлѣбъ жизни»,—ибо это сказано не о тѣлѣ. О тѣлѣ говоритъ подъ конецъ: «хлѣбъ, который Я дамъ, есть плоть Моя», а теперь говоритъ о Божествѣ. Ибо плоть (Христова) ради Бога Слова есть хлѣбъ, равно какъ и этотъ хлѣбъ ради наитія на него Духа бываетъ хлѣбомъ небеснымъ“¹⁾). Это служитъ какъ бы введеніемъ къ объясненію ученія о таинствѣ евхаристіи; здѣсь дается только общія положенія, безъ раздѣльнаго и точнаго изложенія взгляда, говорится только, что истинно-че-

¹⁾ S. Joann. Chrysost. ep. t. VIII,—in Joannem hom. XLV, n. 1, 2, col.

ловѣческая плоть Христа дѣлается для вѣрующихъ никогда неоскудѣвающимъ хлѣбомъ, такъ какъ она была принята въ ипостасное единеніе Богомъ Словомъ,—равно какъ и хлѣбъ евхаристіи, вслѣдствіе наитія Св. Духа, является не простымъ, обыкновеннымъ хлѣбомъ, но становится хлѣбомъ небеснымъ, однако безъ поясненія, что это значитъ. Хлѣбомъ животнымъ Спаситель называетъ Себя, по слову Златоуста, „потому, что отъ Него зависятъ наша жизнь и настоящая и будущая. Оттого Онъ и присовокупилъ: *ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ, разумѣя здѣсь подъ хлѣбомъ или спасительные догматы и вѣру въ Него, или Свое тѣло, потому что и то и другое укрѣпляютъ душу*“¹⁾ И затѣмъ св. отецъ въ XLVI бесѣдѣ переходитъ къ показанію различія между хлѣбомъ животнымъ и манною, при чемъ подъ первымъ мыслить уже только плоть Христову, вкушающій которую жить будетъ во вѣкъ, между тѣмъ какъ вѣшніе манну умерли въ пустынѣ, и она не перешла въ землю обѣтованную, послѣ чего рѣшаетъ вопросъ: „благовременно ли было говорить: хлѣбъ, который Я дамъ, есть плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра (ст. 51), ибо многимъ эти слова показались жестокими?“ Отвѣтъ дается утвердительный, потому что Христосъ, въ униженіе іудеевъ, искавшихъ пищи тѣлесной, упоминаетъ о пищѣ духовной, самой истиннѣйшей, и ученіе это не новое,—на него прикровенно указывалъ прежде Іоаннъ Креститель, называя Христа Агнцемъ; равно не было понятно оно и ученикамъ, однако эти не отошли отъ Него. Іудеи, замѣчаетъ св. отецъ, въ то время не получили никакой пользы отъ сказаннаго; а мы уже на самомъ дѣлѣ пользуемся симъ благодѣяніемъ. Поэтому и *нужно узнать чудо таинствъ (τὸ θαῦμα τῶν μυστηρίων), въ чемъ оно состоитъ, для чего дано и какая отъ него польза*²⁾. Слѣдовательно, онъ хочетъ показать сущность таинства, въ чемъ заключается его неистижимая сторона, цѣль его установленія и естественные плоды участія въ немъ, т. е. предложить рѣшеніе существенныхъ вопросовъ, подлежащихъ нашему изученію. Своему

¹⁾ Ibidem, in Ioannem hom. XLVI, n. 1, col. 259.

²⁾ Ibidem, hom. XLVI, n. 2, col. 259—260.

отвѣту на представленные пункты св. отецъ предпосылаетъ текстъ изъ посланія ап. Павла (Ефес. V, 30): одно тѣло мы бываемъ и члены отъ плоти Его (Христа) и отъ костей Его; послѣ чего пригласивъ къ вниманію этимъ словамъ посвященныхъ, продолжаетъ: „итакъ, чтобы не любовью только, но и самымъ дѣломъ намъ сдѣлаться ими (т. е. членами плоти Христовой), мы должны соединиться съ сею плотію. А это бываетъ чрезъ пищу, которую (Христосъ) даровалъ, желая показать намъ ту сильную любовь, какую имѣетъ Онъ къ намъ. Для того Онъ смѣсилъ самого Себя съ нами и растворилъ тѣло Свое въ насъ, чтобы мы составили нѣчто единое, какъ тѣло, соединенное съ главою. И это есть доказательство самой сильной любви. На это указывалъ и Іовъ, когда говорилъ о своихъ слугахъ, которые такъ сильно любили его, что желали сродиться съ его плотію: кто бы намъ далъ насытиться отъ плоти его (Іов. XXXI, 31), говорили они, желая выразить свою сильную любовь къ нему. Почему, конечно, и Христосъ сдѣлалъ тоже: *воля насъ въ большее содружество съ Собой и показывая Свою любовь къ намъ, Онъ представилъ желающимъ не только видѣть Его, но и осязать, и псть, и вонзать зубы въ плоть, и соединяться и исполнять всякое желаніе.* Будемъ же отходить отъ этой трапезы, какъ львы, дышанціе огнемъ, страшными для діаволовъ, и помышляя о нашей Главѣ и о той любви, какую Онъ показалъ къ намъ. Часто родители отдаютъ дѣтей своихъ на вскармливаніе другимъ; а Я, говорить (Спаситель), не такъ, но питаю васъ Своею плотію, самого Себя предлагаю вамъ, желая, чтобы всѣ вы были благородны, и подавая вамъ благія надежды на будущее. Ибо Кто отдалъ вамъ самого Себя здѣсь, Тотъ тѣмъ болѣе (сдѣлаетъ для васъ тамъ) — въ будущемъ. Я восхотѣлъ быть вашимъ братомъ; *Я ради васъ пріобщился плоти и крови, и эту плоть и кровь, чрезъ которыя Я сдѣлался скровнымъ съ вами, Я опять преподанъ вамъ“* ¹⁾.

Предложенное св. Златоустомъ ученіе о сущности и цѣли таин-

¹⁾ Ibidem, n. 3, col. 260—261.

ства евхаристіи, какъ показываютъ вышеприведенныя слова, исходною точкою имѣеть идею нашего тѣснѣйшаго, реальнаго общенія со Христомъ, дабы намъ стать единымъ тѣломъ и членами плоти Христовой. А чтобы достигнуть послѣдняго, чтобы намъ сдѣлаться членами Христовыми, говорить св. отецъ, и при томъ не любовью только (*μη μόνον κατὰ τὴν ἀγάπην*), духовно, но самымъ дѣломъ (*κατ' αὐτὸ τὸ πρᾶγμα*), истинно,—для сего мы должны соединяться (*ἀναπερασθῶμεν*) съ его плотію. И затѣмъ показываетъ путь, какимъ образомъ мы можемъ достигнуть этого общенія. Сіе совершается, нишесть онъ, въ таинствѣ, или *бываетъ чрезъ пищу* (*διὰ τῆς τροφῆς*), которую Христосъ даровалъ, желалъ показать намъ сильную любовь (*τὸν πόθον*), какую имѣеть Онъ къ намъ. Не опредѣляя, такимъ образомъ, сущности самой пищи, подъ которою мы естественно должны разумѣть евхаристію, св. отецъ намѣчаетъ цѣль ея дарованія намъ Христомъ,—чрезъ нее Онъ хотѣлъ выразить Свою величайшую любовь къ намъ. „Для того Онъ (Христосъ) смѣсилъ самого Себя съ нами и растворилъ Свое тѣло въ насъ, чтобы мы составили нѣчто единое, какъ тѣло, соединенное съ главою. *И это знакъ самой сильной любви*“. Конечно, и воплощеніе Сына Божія, принятіе Имъ въ Свое естество природы человѣческой, есть дѣло величайшей любви Его къ намъ; но не объ этомъ актѣ безконечной любви Спасителя къ роду человѣческому говорить здѣсь св. Златоустъ: ни прежде, ни послѣ нѣтъ у него рѣчи о воплощеніи Слова, потому и упомянутое здѣсь сораствореніе, смѣшеніе тѣла Христа съ нами нужно относить къ моменту Его тѣснѣйшаго—реального единенія съ нами въ таинствѣ евхаристіи, о чемъ съ такою ясностію говорится далѣе: Онъ, т. е. Господь І. Христосъ, далъ желающимъ не только видѣть Его (*οὐκ ἰδεῖν αὐτὸν μόνον παρέσχε*), но и осязать (*ἅψασθαι*), и ѣсть (*καὶ φαγεῖν*), и вонзать зубы въ плоть (*καὶ ἐμπήξαι τοὺς ὀδόντας τῇ σαρκί*) и соединяться (*καὶ συμπλακῆναι*) и исполнять всякое желаніе (*καὶ τὸν πόθον ἐμπλήσαι πάντα*). Мысль о реальномъ вкушеніи тѣла и крови Христа въ св. таинствѣ здѣсь выказана съ полною ясностію и понять ее въ смѣслѣ метафоры положительно невозможно. „Св. Златоустъ, говорить одинъ рим.-католическій изслѣ-

дователь ¹⁾), своимъ образомъ выраженія идетъ здѣсь даже далѣе церковнаго ученія, потому что онъ заставляетъ прямо относить къ тѣлу Господа все, что должно было бы отнести въ качествѣ предикатовъ только къ акциденціи, или виду въ св. евхаристіи, какъ напр. раздробленіе зубами“. На нашъ взглядъ, это объясняется признаніемъ тѣсной связи между внутренней стороною таинства и внѣшнею. Для евхаристіи, какъ непостижимѣйшаго таинства, нѣтъ въ церковномъ-догматическомъ языкѣ точнѣйшихъ, недопускающихъ никакихъ недоразумѣній и раздѣльныхъ выраженій. Обыкновенно нѣчто аналогичное съ тѣмъ, что приложимо только къ виду—въ строгомъ смыслѣ слова, представляется и въ тѣлѣ Христа. „Раздробляется, раздѣляется, читаемъ мы также въ нашемъ Служебникѣ ²⁾), Агнецъ Божій, раздробляемый и нераздѣляемый, всегда ядомый и никогда же изживаемый, но причащающыяся освящай“. Судя строго, здѣсь не мало логически неразрѣшимыхъ противорѣчій; но они получаютъ свое разъясненіе, если мы приемемъ во вниманіе, что тутъ нельзя искать и ожидать логическаго разграниченія между обѣими сторонами таинства,—почему одно и переносится на другое. Остается внѣ всякаго сомнѣнія то, что, по мнѣнію св. Златоуста, желающій въ евхаристіи истинно принимаетъ своими устами тѣло и кровь Господа. И какъ бы желая еще усилить съ поразительною рѣзкостью высказанная мысли, св. архіепископъ константинопольскій снова повторяетъ, что І. Христосъ въ евхаристіи любитъ насъ болѣе, чѣмъ мать свое дитя, потому что Онъ не только восхотѣлъ сдѣлаться нашимъ братомъ, но и *питаетъ насъ Своєю плотію* ³⁾), предлагаетъ намъ Себя, естественно подавая тѣмъ благія надежды на будущее; Онъ ради насъ не только приобщился плоти и крови, сдѣлался истиннымъ человѣкомъ, не переставая быть Богомъ, но эту же самую плоть и кровь, посредствомъ которыхъ Онъ сдѣлался скровнымъ, опять предлагаетъ

¹⁾ См. Schwanе, — Dogmengeschichte der patristischen Zeit (325—787), Münster, 1869 г., Theil. IV, § 97, S. 1001.

²⁾ См. Служебникъ, изд. Синод. типогр., С.-Петербургъ, 1867 г. стр. 173.

³⁾ ταῖς σαρκὶ τρέφω, φρῆσι, ταῖς ἐμαῖς.

намъ¹⁾, разумѣя, безъ сомнѣнія, — въ таинствѣ евхаристіи. Слѣдовательно, по представленію св. Златоуста, евхаристическое тѣло Господа Христа совершенно тождественно съ тѣмъ, которое было образовано въ утробѣ Приснодѣвы и послѣ того распято на крестѣ. Въ сожалѣнію, тутъ еще не дано разъясненія того, какъ совершается, что изъ хлѣба является тѣло Христово, и какое отношеніе между различными только видами одного и того же тѣла (Его²⁾). Зато цѣль участія во св. таинствѣ, которое служить доказательствомъ величайшей къ намъ любви Господа Христа, выражена съ достаточною ясностію. Св. отецъ говоритъ здѣсь: „Христосъ растворилъ тѣло Свое въ насъ, чтобы мы составили нѣчто единое, какъ тѣло, соединенное съ главою“³⁾, т. е., говоря иначе, Господь даровалъ вѣрующимъ Свою плоть и кровь для вкушенія съ тою цѣлію, чтобы они чрезъ свое причащеніе срослись въ одно тѣло, образовали одинъ живой организмъ съ главою — Христомъ, а вслѣдствіе этого каждый изъ нихъ, какъ истинный членъ безсмертнаго тѣла всемогущаго Господа, явился бы полнымъ вѣчной жизни членомъ никогда нескончаемаго царствія Христова, или Его церкви: взглядъ насколько православный, настолько и заслуживающій полнаго вниманія. Въ немъ, можно сказать, находятъ себѣ объясненіе нѣсколько темныхъ, вслѣдствіе своей общности, и нерѣдко возбуждающія не мало недоумѣній — выраженія св. отцевъ относительно слѣдствій причащенія въ отношеніи къ намъ, каковы напр. выраженія: „мы обожаемъ“, или „становимся стѣлесными и скровными Христу“ и под., безъ дальнѣйшихъ прибавленій. Такимъ образомъ здѣсь отчасти уже данъ от-

¹⁾ *πάλην ἀπό τῆν ὀμίην τῆν σάρκα καὶ τὸ αἷμα δι' ὃν συγγενὴς ἐγενόθη, ἐκδιδορι.*

²⁾ По мысли вселенскаго учителя, вѣрующій въ евхаристіи вкушаетъ истинное тѣло и истинную кровь Христа, между тѣмъ — какъ ему преподаются съ виду только хлѣбъ и вино. Единственно возможное объясненіе подобнаго факта — это признаніе претворенія даровъ, или допущеніе того творческаго акта, по которому хлѣбъ и вино существенно предлагаются въ тѣло и кровь Господа Христа, такъ что остаются только ихъ виды, а не матеріальная сущность. Такимъ образомъ, хотя св. отецъ не говоритъ прямо, но даетъ всѣ основанія къ предположенію, что онъ признаетъ существенное претвореніе св. даровъ.

вѣтъ и на третій вопросъ св. отца: „какая польза отъ таинства“, хотя рѣшеніе его составляетъ предметъ дальнѣйшаго разсужденія. Въ немъ св. Златоустъ говоритъ объ освященіи насъ кровію І. Христа, при чемъ евхаристическую кровь считаетъ совершенно тождественною съ изливою на крестѣ и нимало не разграничиваетъ ихъ: „эта кровь, говоритъ онъ, придаетъ намъ видъ цвѣтущій— царскій, рождаетъ красоту неизобразимую, не даетъ увядать благородству души (τῆς φυχῆς τῆν εὐγένειαν), напоая ее и питая. Эта кровь, достойно принимаемая, отстраняетъ и далеко прогоняетъ отъ насъ демоновъ, призываетъ же къ намъ ангеловъ и Владыку ангеловъ. Демоны бѣгутъ отсюда, гдѣ видятъ Владычнюю кровь, а ангелы туда стекаются. *Пролитая (на крестѣ) эта кровь омыла всю вселенную*“... „Ея прообразъ, продолжаетъ онъ далѣе, кровь ветхозавѣтнаго жертвеннаго агнца, очистила святое святыхъ, поставляла во священника, омывала грѣхи,—то чтò нужно сказать о самой истинѣ? Она—спасеніе душъ нашихъ; ею душа омывается, ею украшается, ею воспламеняется; она дѣлаетъ нашъ умъ свѣтлѣе огня; она дѣлаетъ нашу душу чище золота, эта кровь излилась—и содѣлала небо доступнымъ для насъ“¹⁾.—Говоря короче, св. отецъ учитъ, что чрезъ евхаристическую кровь Господа Христа наша душа очищается отъ грѣховъ, обновляется въ силахъ, украшается и спасается, потому что это—кровь, которою мы искуплены; отсюда, какъ естественное заключеніе слѣдуетъ, что „страшны поистинѣ таинства церкви, страшень поистинѣ жертвенникъ“²⁾. И эту священную трапезу, отъ коей получаютъ такіе результаты, онъ картинно представляетъ подъ видомъ трапезы, отъ которой происходитъ источникъ, изводящій духовныя рѣки, и этотъ источникъ есть источникъ свѣта, изливающейся лучи истины, къ нему стекаются горнія силы. Сильшѣе огня кипятъ и стремятся онъ, но не сожигаетъ, а только очищаетъ все, чего касается. Эта кровь, говоритъ затѣмъ св. авторъ, издревле была прообразована на жертвенникахъ въ закланіяхъ, опредѣленныхъ закономъ. Она цѣна вселенной (τοῦτο ἡ τιμὴ τῆς

¹⁾ Ibidem, n. 3, col. 261.

²⁾ φρικτὰ ὄντως τὰ μυστήρια τῆς ἐκκλησίας, φρικτόν ὄντως το ἱεραστήριον.

οἰκουμένης); ею Христосъ купилъ церковь (τοῦτω ἡγόρασε τὴν ἐκκλησίαν ὁ Χριστός), ею Онъ всю ее украсилъ. Какъ тотъ, кто покупаетъ слугъ, даетъ за нихъ золото и потомъ, желая ихъ украсить, украшаетъ ихъ золотомъ; такъ и Христосъ и купилъ насъ кровію и украсилъ насъ кровію. Приобщающіеся этой крови стоятъ вмѣстѣ съ ангелами, архангелами и горними силами, облеченные въ царскую одежду Христову и имѣя духовное оружіе. Но этимъ я еще не сказалъ ничего великаго: *они бывають облечены въ самого Царя* (αὐτὸν γὰρ εἰσὶν ἐνδεδυμένοι τὸν βασιλέα). Но сколько велико и чудно это таинство, столько (вѣрно и то, что) если приступишь къ нему съ чистотою, приступишь во спасеніе, если же—съ совѣстію лукавою, то въ наказаніе и мученіе. Яднй бо, сказано, и пійи Господа (τοῦ Κυρίου—св. отецъ вставляетъ въ слова апостола отъ себя) недостойнѣ, —судь себѣ ясть и пиеть (1 Кор. XI, 29). Если и оскверняющіе царскую порфиру наказываются одинаково съ раздирающими ее, то *что удивительнаго, если приемлющіе тѣло Христово съ нечистою душою подвергнутся одинаковому наказанію съ тѣми, кои истерзали Его воздьями?*“ Почему св. вселенскій учитель и приглашаетъ быть внимательными къ самимъ себѣ, наслаждаясь такими благами (τοιούτων ἀπολαύοντες ἀγαθῶν)¹⁾. Итакъ, св. Златоустъ, касаясь слѣдствій причащенія, въ то же время съ новой силою утверждаетъ тождество евхаристическаго тѣла и крови съ тѣми, которыми мы искуплены; почему и недостойно, въ нечистотѣ души, приступающій къ принятію ихъ заслуживаетъ одинаковое наказаніе съ распявшими Христа, между тѣмъ причащающійся съ чистою совѣстію не только получаетъ очищеніе отъ грѣховъ и спасеніе, но и доступъ къ Всесвятѣйшему, общеніе съ горними силами, облеченіе въ самого Царя; его душѣ сообщается и сверхчувственная прелесть и небесная сила.

Въ слѣдующей XLVII бесѣдѣ св. Златоустъ прежде всего касается словъ Господа Христа: „петинно говорю вамъ, если кто не будетъ ѣсть плоти Моей и пить крови Моей, тотъ не будетъ.

¹⁾ Ibidem, n. 4, col. 261—262

имѣть жизни въ себѣ“, и утверждаетъ, что, слыша ихъ, іудеи пришли въ недоумѣніе, такъ какъ считали дѣломъ невозможнымъ ѣсть Его тѣло и пить Его кровь, а между тѣмъ Спаситель, по слову св. отца, ясно показываеъ, что это—не только не невозможно, но и весьма необходимо, почему и присовокупляетъ: „ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскресну его въ послѣдній день (Іоан. VI. 54), т. е., перифразируетъ онъ рѣчь Спасителя, желая разрѣшить недоумѣніе и показать, что причащающійся дѣйствительно не умретъ навсегда, Онъ упомянулъ о воскресеніи. Часто же касается таинства, дабы показать, *какъ оно необходимо* (δεῖχοντες τοῦ πράγματος τὸ ἀναγκαῖον), *и что оно непременно должно быть* (καὶ ὅτι αὐτὸ πάντως γενέσθαι δεῖ). Плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питье (VI, 55). Что значать эти слова? *Ими Онъ хочетъ или сказать то, что плоть Его есть истинное брашно, спасающее душу, или же увѣрить ихъ въ сказанномъ, такъ чтобы они не считали словъ Его загадкою и притчею, но знали, что непременно должно ѣсть Его тѣло.* Потомъ говоритъ: ядущій Мою плоть во Мнѣ пребываетъ (ст. 56),—этимъ показываеъ, что такой человекъ соединяется съ Нимъ“¹⁾. Итакъ, св. Златоустъ ясно учитъ, что 1) евхаристія совершенно необходима, и 2) слова Господа о вкушеніи Его плоти и питіи крови нужно понимать буквально, а не въ приточномъ смыслѣ. Наконецъ, судя по дальнѣйшему, мы должны прибавить, что 3) по св. Златоусту—причащеніе доставляетъ единеніе со Христомъ, воскресеніе и вѣчную славную жизнь. Въ словахъ Спасителя, говоритъ онъ: и ядущій Меня жить будетъ Мною (ст. 57), жизнь разумѣется не обыкновенная, но прославленная. А что Христосъ говоритъ о жизни не обыкновенной, но о той славной и неизреченной, это видно изъ того, что и всѣ невѣрующіе и неосвященные тоже живутъ, хотя и не вкушаютъ той плоти. И не объ общемъ также воскресеніи говоритъ, такъ какъ всѣ одинаково воскреснутъ, но о воскресеніи особенномъ, славномъ, соединенномъ

¹⁾ Смотри. S. Joann. Chrysost. op. t. VIII, in Joannem hom. XLVII, n. 1, col. 263.

сь наградою“¹⁾.—Кромѣ того, въ этой бесѣдѣ для насъ имѣеть особенное значеніе то объясненіе, какое дается св. отцемъ изреченію І. Христа: „Духъ животворить; плоть не пользуется нимало. Слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь“ (Іоан. VI, 63). Конечно, если бы св. Златоустъ держался спиритуалистическаго взгляда и въ отношеніи ученія объ евхаристіи былъ символистомъ, то онъ, пользуясь такимъ случаемъ, не преминулъ бы упомянуть о томъ, что рѣчь Господа Христа о вкушеніи Его плоти слѣдуетъ понимать не въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, а духовно. Не то мы видимъ на дѣлѣ. Св. отцу представляется дѣломъ *плотскаго* помышленія, которое не приноситъ никакой пользы, не вѣрить въ божественное достоинство Христа и сомнѣваться въ Его словахъ. „Христосъ“, читаемъ мы у него далѣе, „указавъ на множество догматовъ, присовокупляетъ и другое рѣшеніе недоумѣнія іудеевъ, говоря: духъ животворить; плоть не пользуется нимало. Это значить, *что говорится обо Мнѣ, тому должно внимать духовно* (πνευματικῶς δεῖ τὰ περὶ ἐμοῦ ἀκοῦειν); *а кто внимаетъ чувственно* (плотскн), *тотъ ничего не приобретаетъ и не получаетъ никакой пользы* (ὁ γὰρ σαρκικῶς ἀκούσας, οὐδὲν ἀπόνειμα, οὔτε Χρηστὸν τι ἀπέλαυσεν). *Сомнѣваться же въ томъ, какъ Онъ сошелъ съ неба, и думать, что Онъ сынъ Іосифа, и спрашивать: какъ можетъ дать намъ ѣсть плоть Свою,— было дѣломъ плотскаго слушанія, между тѣмъ какъ все это слѣдовало понимать таинственно и духовно* (μυστικῶς καὶ πνευματικῶς). Но откуда, скажешь, они могли понять, что такое значить ѣсть плоть? Потому-то имъ и пужно было выждать удобнаго времени и спросить, а не оставлять Его. Слова, которыя Я говорилъ вамъ, суть духъ и жизнь, т. е. божественны и духовны, не заключаютъ въ себѣ ничего плотскаго и не подлежатъ естественному порядку²⁾, но чужды всякой этого рода необходимости³⁾, и выше законовъ, дѣйствующихъ на землѣ⁴⁾, имѣють же смыслъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ ἔχοντα οὐδὲ ἀκολουθίαν φυσικῆν.

³⁾ ἂ καὶ ἀπῆλλοντα: πάσης μὲν τοιαύτης ἀνάγκης.

⁴⁾ ὑπέρχεται καὶ τῶν νόμων τῶν ἐνταῦθα κειμένων.

иной (ἕτερον δὲ νοῦν), особенный“¹⁾). Такимъ образомъ внимать словамъ Спасителя и вполне полагаться на нихъ, не смотря на видимую ихъ противоположность дѣйствующимъ въ мѣрѣ физическимъ законамъ, но мнѣнію св. Златоуста, и значить понимать духовно; въ допущеніи божественности, превыше естественности въ отношеніи къ словамъ Христа заключается именно то истинное пониманіе, которое животворить. И слѣдовательно, по взгляду св. отца, слова Христа, „духъ животворить, плоть не пользуется нисколько“ выражаютъ только мысль о способѣ нашего отношенія къ рѣчамъ Спасителя: принимаемъ ли мы ихъ съ вѣрою, не смотря на то, согласно или несогласно данное ученіе—на обыкновенный взглядъ—съ естественными законами, или же прилагаемъ къ нимъ эту земную мѣрку: первое отношеніе есть духъ, оно и животворно, а послѣднее—плоть и оно не дастъ намъ ничего. А чтобы кто не подумалъ иначе, св. отецъ снова запечатлѣваетъ свой взглядъ, при чемъ спрашиваетъ самого себя: развѣ плоть Христа не есть плоть? И самъ же отвѣчаетъ: *безъ сомнѣнія плоть*²⁾). Но какъ Онъ сказалъ: *плоть не пользуется нисколько*? Это Онъ сказалъ не о Своей плоти (οὐ περὶ τῆς ἑαυτοῦ σαρκός),—отнюдь нѣтъ, но о тѣхъ, которые Ею слова понимаютъ плотски. Что же значить понимать плотски (σαρκικῶς)? Смотрѣть на подлежащіе предметы просто и не представлять ничего больше (τὸ ἀπλῶς εἰς τὰ προκειμένα ὀρᾶν καὶ μὴ πλεον τι φαντάζεσθαι); вотъ что значитъ понимать плотски. Но не такъ должно судить о видимомъ, а надобно внутренними очами прозирать во всѣ Его тайны; вотъ это значить понимать духовно. Вѣдь кто не ѣсть Его плоти и не пьетъ Его крови, тотъ не имѣетъ жизни въ себѣ: какъ же плоть ничего не пользуется, когда безъ нея невозможно жить³⁾? Не видишь ли, что слова: „плоть не пользуется нисколько“ сказаны не о плоти Его, но о плотскомъ пониманіи?“⁴⁾—Итакъ, св. отецъ не только не высказывается въ

1) Ibidem, n. 2, col. 265.

2) οὐκ ἔστι ἡ σὰρξ αὐτοῦ σὰρξ; καὶ σφόδρα μὲν οὖν.

3) πῶς οὐδὲν ὠφελεῖ ἡ σὰρξ, ἢς ἄνευ οὐκ ἔνι.

4) Ibidem, n. 2, col. 265.

смыслъ символическаго представленія, но прямо и ясно свидѣтельствуется, что *слова Христа о плоти необходимо принимать въ буквальный смыслъ и что Его плоть есть поистиннъ плоть*. Относя же изреченіе Господа: „плоть не пользуетъ нисколько“—къ плотскому пониманію, онъ разъясняетъ, что это пониманіе состоитъ въ томъ, если кто сказанному Христомъ внимасть просто, смотреть на дѣло обыкновенными, естественными глазами, какъ на все другіе предметы, и о видимомъ судить по внѣшнимъ чувствамъ, а не полагается на непреложное свидѣтельство Господа. Стало бытъ, по отношенію къ плоти Господа Иисуса, которую Онъ даетъ вѣрующимъ для вкушенія, чувственное пониманіе заключается въ отверженіи реального ея принятія вѣрующими, на томъ основаніи, что это внѣ естественнаго порядка и выше существующихъ законовъ; тогда какъ духовно понимаетъ тотъ, кто довѣряетъ божественнымъ словамъ и смотритъ на дѣло такъ, какъ внушаетъ ему вѣра. Мало того, здѣсь даже можно находить намекъ на то, что, по св. отцу, плоть евхаристическая—не кака-либо отличная отъ земной плоти Христа, но та же самая, потому что 1) не дѣлается ни малѣйшаго различія между ними, и во 2-хъ ясно говорится, что „если мы недостойно причащаемся таинъ, то погибнемъ наравнѣ съ христуобійцами“¹⁾). Итакъ, св. Златоустъ несомнѣнно строго держался того взгляда на таинство евхаристіи, какой и нынѣ содержитъ православная восточная церковь²⁾.

А. Кирилловъ.

¹⁾ Таково напр. содержаніе и молитвъ литургій рецензій св. Златоуста: „Достойно и справедливо Тебя воспѣвать“ и слѣдующей за нею: „Съ сими (блаженными) силами, Владыка человеколюбивый“ и пр. См. «Собраніе древнихъ литургій» въ пер. на русск. яз. вып. II, стр. 125, 126.

²⁾ Окончаніе будетъ.

Догматическое учение о таинствѣ евхаристіи

ВЪ ТВОРЕНІЯХЪ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА¹⁾.

ЦЕ МЕНѢ замѣчательно въ догматическомъ отношеніи для нашего вопроса и третье мѣсто изъ толкованій св. Іоанна Златоуста,—это 24-я его бесѣда на первое посланіе ап. Павла къ Коринѳянамъ (X, 16). Въ объясненіе словъ учителя языковъ: „чаша благословенія, которую мы благословляемъ, не есть ли приобщеніе крови Христа?“ (X, 16) онъ говоритъ сначала, что блаженный Павелъ, желая тронуть слушателя и вспоминая о страшныхъ таинствахъ, называетъ ту страшную и приводящую въ трепеть чашу чашею благословенія, показывая тѣмъ все сокровище Божіихъ благодѣяній; равно какъ и мы, добавляетъ онъ, перечисляя предъ чашею неизреченныя благодѣянія Божіи и все, чѣмъ наслаждаемся, (со страхомъ) приступаемъ къ ней и причащаемся, благодаря за то, что Онъ освободилъ родъ человѣческой отъ заблужденія и бывшихъ далеко приблизилъ къ Себѣ, не имѣющихъ упованія и безбожныхъ въ мірѣ содѣлалъ братьями Своими и наслѣдниками,—такимъ образомъ за сіе и за все подобное сему благодаря, мы приступаемъ къ чашѣ; затѣмъ, повторивъ снова текстъ апостола, продолжаетъ: „вполнѣ вѣрно и страшно онъ сказалъ. Ибо что онъ говоритъ, то это значить: *то самое, что находится въ чашѣ, есть истекшая изъ ребра кровь, и ея мы причащаемся.* Назвалъ чашею благословенія, такъ какъ имѣя ее въ рукахъ, мы такимъ образомъ воспѣваемъ Его, удивляясь и поражаясь несказаннымъ даромъ, благословляя за то, что эту самую (кровь) излилъ, дабы мы не оставались въ заблуж-

¹⁾ См. I вѣст. «Христ. Чтенія» за наст. годъ (январь—февраль).

денія, и не только излилъ. но и вѣзмъ намъ предалъ ее; такъ что если ты желаешь крови, то обагри не жертвенникъ (βωμόν) идоловъ убійствомъ безсловесныхъ, но Мой жертвенникъ (θυσιαστήριον) Моею кровію. Что ужаснѣе этого, что болѣе нѣжнолюбимо, скажи мнѣ? ¹⁾—Вотъ первое положеніе св. отца: чаша благословенія, чаша евхаристіи—содержитъ въ себѣ не то, что представляетъ только кровь Христа, или можетъ сдѣлаться кровью. и даже не кровь, которая относится къ Христу, однако еще отлична отъ крови, которую Онъ имѣлъ „во дни плоти“, но ту именно самую кровь, которую Онъ излилъ на крестѣ и которая истекла изъ Его прободеннаго копіемъ ребра; следовательно, св. отецъ, допуская реальное присутствіе крови и съ тѣмъ вмѣстѣ и плоти Христа въ евхаристіи, признавалъ существенное тождество крови евхаристической и излитой на Голгоѣ, за насъ. Далѣе онъ показываетъ превосходство любви къ намъ Христа предъ любовью вѣхъ людей въ томъ, что послѣдніе проявляютъ это доброе свое чувство въ имуществѣ, одеждахъ и стяжаніяхъ, въ крови же никто и никогда, а Христосъ и въ этомъ показалъ попеченіе и горячую къ намъ любовь; затѣмъ, такъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ священнодѣйствіе было мало совершенно, то и въ этомъ случаѣ показалъ неизреченную любовь, проливши кровь, дабы отклонить отъ принесенія крови идоламъ. и учредилъ гораздо болѣе страшное и великолѣпное священнодѣйствіе, измѣнивъ самую жертву и вмѣсто закланія безсловесныхъ приказавъ приносить Себя ²⁾. Такимъ образомъ, по слову Златоуста, Христосъ Спаситель, уничтоживъ ветхозавѣтное жертвоприношеніе, какъ несовершенное, учредилъ вмѣсто него Свое

¹⁾ Σφόδρα πιστῶς καὶ φοβερῶς εἶρηκεν. "Ὁ γὰρ λέγει τοῦτό ἐστιν, ὅτι τοῦτο τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ ὄν, ἐκεῖνὸ ἐστὶ τὸ ἀπὸ τῆς πλευρᾶς ρεῦσαν καὶ ἐκεῖνον μετέχομεν. Ποτήριον δὲ εὐλογίας ἐκάλεσεν, ἐπειδὴ αὐτὸ μετὰ χειρᾶς ἔχοντες, οὕτως αὐτὸν ἀνομοῦμεν, θαυμάζοντες καὶ ἐκπληττόμενοι τῆς ἀφ' αὐτοῦ δωρεῆς, εὐλογοῦντες ὅτι καὶ αὐτὸ τοῦτο ἐξέχειν, ἵνα μὴ μεινωμεν ἐν τῇ πλάνῃ καὶ οὐ μόνον ἐξέχεεν, ἀλλὰ καὶ πᾶσιν ἡμῖν αὐτοῦ μετέδωκεν.—S. Ioann. Chrysost. op. t. X., in epist. 1 ad Cor., hom. XXIV, n. 1, col. 199—200.

²⁾ Ἐνταῦθα δὲ ἐπὶ τὸ πολλῶν φρικωδέστερον καὶ μεγαλοπρεπέστερον τὴν ἱερωργίαν μετεσκεύασε, καὶ τὴν θυσίαν αὐτὴν ἀμείψας, καὶ ἀντὶ τῆς τῶν ἀλόγων σφαγῆς ἑαυτὸν προσφέρειν κελεύσας. Ibidem, n. 2, col. 200.

новое, въ которомъ предлагаетъ въ жертву Самого Себя, и значить, по его мысли, *евхаристія есть жертва, въ которой закалается Самъ Агнецъ Божій*,—вотъ второе положеніе, не получившее, правда, разъясненія въ данномъ мѣстѣ. Обращаясь къ главнѣйшимъ словамъ апостола: „хлѣбъ, который мы преломляемъ, не есть-ли общеніе (*κοινωνία*) тѣла Христова? (X, 16), св. Златоустъ спрашиваетъ: почему онъ не сказалъ—причащеніе (*μετοχή*)? и въ отвѣтъ указываетъ на значеніе слова: *κοινωνία*, которое употребляется, по его заявленію, для высшаго и внутренняго единенія, и потомъ продолжаетъ: *какъ то тѣло было соединено со Христомъ, такъ мы соединяемся съ тѣмъ же самымъ чрезъ этотъ хлѣбъ*. Для чего же присовокупилъ: который преломляемъ? Мы видимъ, что это именно исполнилось въ евхаристіи, а не на крестѣ; тамъ случилось даже противное сему, ибо кость Его, сказано, не сокрушится. Но что Онъ не потерялъ на крестѣ, то тернить тебя ради въ приношеніи (*ἐπὶ τῆς προσφορᾶς*), и преломляемый тернить, чтобы всѣхъ исполнить. Потомъ, такъ какъ онъ сказалъ: общеніе тѣла,—а то, что имѣетъ общеніе, отлично отъ того, съ чѣмъ происходитъ общеніе,—то онъ уничтожилъ и это малое, видимое различіе. Ибо сказавъ: общеніе тѣла, онъ стремился сказать нѣчто болѣе близкое, почему и прибавилъ: яко единъ хлѣбъ, едино тѣло ъсмы мнози (X, 17). Что я говорю, утверждаетъ онъ,—общеніе? *Мы—самое то тѣло. Ибо что такое хлѣбъ? Тѣло Христово. Чѣмъ же дѣлаются причащающіеся? Тѣломъ Христа — не много тѣлъ, но одно тѣло*. Какъ хлѣбъ, составленный изъ многихъ зеренъ, такъ соединяется, что зерна ни мало не обнаруживаются, потому что хотя они сами по себѣ и находятся, но влѣдствіе единенія не выступаютъ, такъ и мы соединяемся другъ съ другомъ и со Христомъ. Ибо не инымъ тѣломъ питаешься ты, а другимъ питается онъ, но однимъ и тѣмъ же всѣмъ, почему и присовокупилъ: вси бо отъ одинаго хлѣба причащаемся“. Посему св. Златоустъ убѣждаетъ къ единодушію и говорить, что прежде у множества вѣрующихъ были одно сердце и душа одна; „но не такъ теперь: нынѣ отъ брата отказываются, не смотря на то,

что отъ Владыки приняли толикую любовь и животъ. Онъ не просто далъ Свою плоть, но такъ какъ первое естество, образованное изъ земли, въ силу грѣха, подпало смерти, то Онъ принесъ, какъ, пожалуй, иной могъ бы сказать—тѣсто и квасъ, иную, Свою плоть, по естеству такую же, но свободную отъ грѣха и полную жизни, *и вѣзмъ далъ причаститься отъ нея, чтобы, питаясь ею и отложивши первую, мертвую (плоть), мы со-растворились въ жизнь вѣчную*“¹⁾. — Основная мысль этого мѣста—допущеніе полного, существеннаго общенія между Хри-соомъ и нами, или признаніе дѣйствительнаго принятія Имъ насъ въ Свое тѣло, такъ что мы становимся истинными Его членами. По его мнѣнію и апостоль употребилъ слово *κοινωνία*, вмѣсто *μετοχή*, единственно для того, чтобы показать внутреннюю связь, тѣснѣйшее единеніе. Какъ то тѣло, тѣло дѣйстви-тельное, говоритъ онъ, соединено со Христомъ, такъ и мы сое-диняемся съ тѣмъ же тѣломъ (т. е. историческимъ) чрезъ этотъ хлѣбъ. Стало быть, наше единеніе съ тѣломъ Господа Христа настолько естественно и существенно, что оно служить отобра-зомъ, подобіемъ ипостаснаго единенія двухъ естествъ во Христѣ. На нашъ взглядъ, нѣтъ никакой надобности предполагать, что „Христосъ“ у Златоуста означаетъ цѣлую Его личность—Бого-человѣческую, и, конечно, не безъ тѣла,—что подъ „тѣмъ тѣломъ“ разумѣется именно тѣло евхаристическое, вслѣдствіе чего пони-мать дѣлаемое св. отцемъ сравненіе въ томъ смыслѣ, что едине-

¹⁾ Καθάπερ τὸ σῶμα ἐκεῖνο ἦνωτα: τῷ Χριστῷ, οὕτω καὶ ἡμεῖς αὐτῷ διὰ τοῦ ἄρτου τούτου ἐνούμεθα. Διὰ τί δὲ προσέθηκεν, ὄν κλωῶμεν; τούτο γὰρ ἐπὶ μὲν τῆς εὐχαριστίας ἔστιν ἰδεῖν γινόμενον· ἐπὶ δὲ τοῦ σταυροῦ οὐκ ἔτι, ἀλλὰ καὶ τοῦναντίον τοῦτῳ. Ὅσοτον γὰρ αὐτοῦ, φησὶν, οὐ συντριβήσεται. Ἀλλ' ὅπερ οὐκ ἐπαῖεν ἐπὶ τοῦ σταυροῦ, τούτο πάσκει ἐπὶ τῆς προσφορᾶς διὰ σέ, καὶ ἀπέχεται διακλώμενος, ἵνα πάντας ἐμπλήσῃ... Τί γὰρ λέγω κοινωνίαν; φησὶν· αὐτὸ ἔσμεν ἐκεῖνο τὸ σῶμα. Τί γὰρ ἔστιν ὁ ἄρτος; Σῶμα Χριστοῦ! Τί δὲ γίνονται: οἱ μεταλαμβάνοντες; Σῶμα Χριστοῦ. Οὐχὶ σῶματα πολλὰ, ἀλλὰ σῶμα ἓν... Οὐδὲ ἀπλῶς τὸ σῶμα αὐτοῦ ἔδωκεν· ἀλλ' ἐπειδὴ ἡ προτέρα τῆς σαρκὸς φύσις ἢ ἀπὸ γῆς διαπλασθεῖσα, ἀπὸ τῆς ἀμαρτίας φθισας νεκρωθῆναι καὶ ζωῆς γενέσθαι ἐρημος, ἑτέραν, ὡς ἂν εἴποι τις, μάζαν καὶ ὕμην ἐπεισῆγαγε, τὴν ἑαυτοῦ σάρκα, φύσει μὲν οὖσαν τὴν αὐτὴν, ἀμαρτίας δὲ ἀπλη-αγμένην καὶ ζωῆς γέμουσαν καὶ πᾶσιν ἔδωκεν αὐτῆς μεταμεράνειν, ἵνα ταύτῃ τρε-τόμενοι, καὶ τὴν προτέραν ἀποθέμενοι τὴν νεκρὰν, εἰς τὴν ζωὴν τὴν αἰώνιον διὰ ζῆς τραπέζης ἀνακαρθεῖσθαι ταύτης.—Ibidem. n. 2, col. 200—201.

ніе евхаристическаго тѣла со Христомъ, или воспринятымъ Словомъ тѣломъ (историческимъ), служить образомъ и нашего единенія съ этимъ же тѣломъ въ моментъ вкушенія евхаристическаго хлѣба. Такое пониманіе отвергаетъ самъ св. отецъ. Онъ говоритъ, что ап. Павелъ, желая показать наивозможно тѣснѣйшее наше единеніе со Христомъ, добавилъ къ прежде имъ сказанному еще и слѣдующее: яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози, т. е. что мы то самое тѣло, ибо что такое, спрашиваетъ авторъ, хлѣбъ? И отвѣчаетъ: тѣло Христово. Чѣмъ же дѣлаются причащающіеся? Тѣломъ Христа. И тутъ же, какъ бы въ опроверженіе упомянутаго толкованія, прибавляетъ: не много тѣлъ, но одно тѣло, слѣдовательно, мы, по его представленію, вкушаемъ въ евхаристіи не хлѣбъ, но самое тѣло Христа, и притомъ тѣло именно историческое, вслѣдствіе чего всѣ въ своей совокупности образуемъ одно органически цѣльное тѣло Его, подобно хлѣбу, составленному изъ множества зеренъ. Если же онъ и выразился: мы соединяемся съ онимъ тѣломъ чрезъ этотъ хлѣбъ, т. е. хлѣбъ евхаристическій, то этимъ онъ не становится въ противорѣчіе съ самимъ собою: онъ хочетъ только сказать, что мы вкушаемъ истинное тѣло Господа Христа, но вкушаемъ его подъ видомъ хлѣба,—для внѣшняго чувства то, что сообщается намъ въ евхаристіи, кажется только хлѣбомъ, а между тѣмъ въ сущности это—тѣло Христово. Св. отецъ съ пастойчивостью высказываетъ мысль о полномъ тождествѣ евхаристическаго тѣла съ тѣмъ тѣломъ, которое носилъ Христосъ во время земной жизни, и чего это послѣднее не потеряло, но его слову, на крестѣ, то самое оно терпитъ въ евхаристіи. Это тѣло такое же, какъ и наше, но отличается только безгрѣшностію и полнотою жизни, почему, будучи принято нами, служить для нашего организма закваскою, которая хотя мала, но кваситъ все смѣшеніе, преобразуя нашу смертную плоть въ бессмертную, и такимъ путемъ мы обновляемся къ бессмертной жизни. Затѣмъ, св. вселенскій учитель, упомянувъ о плодахъ причащенія, убѣждаетъ своихъ слушателей—достойно приступать къ великой и страшной жертвѣ и, выставляя между прочимъ въ примѣръ то естественное наше

уваженіе и почтеніе къ церковной ризѣ, по которому нечистый руками не осмѣливается прикоснуться къ ней, говорить: „если же къ человѣческой одеждѣ никто не осмѣлится прикоснуться, то какъ мы примемъ съ толикою дерзостію *сiе тѣло сущаго надъ вѣсти Бoга*, безпорочное, чистое (τὸ σῶμα τοῦ ἐπὶ πάντων Θεοῦ, τὸ ἄμωμον, τὸ χαράρον), тѣло, принятое въ общеніе божественною природою, чрезъ которое мы существуемъ и живемъ, чрезъ которое врата смерти сокрушены и сводъ небесный отверсть, это-ли примемъ съ надменностію? Нѣтъ, умоляю, не убьемъ сами себя безстыдствомъ, но приступимъ съ трепетомъ и всякою чистотою“, при чемъ св. отецъ указываетъ на неизреченныя благодѣянія, доставленныя намъ чрезъ это тѣло, какъ: искупленіе, безсмертіе, пребываніе со Христомъ, сокрушеніе главы діавола, уничтоженіе жала смерти, и на тѣ ужасающія явленія, которыя совершались при его распятіи; прободенное же копьемъ оно источило для всей вселенной спасительныя источники—крови и воды. *И это тѣло*, продолжаетъ затѣмъ, *Онъ (Христось) далъ намъ и держать и псть* (τοῦτο τὸ σῶμα ἔδωκεν ἡμῖν καὶ κατέχειν καὶ ἐσθίειν), что было дѣломъ распростертой любви ¹⁾. Итакъ, въ представленіи св. Златоуста тѣло евхаристическое, которое Христось дастъ намъ по Своей милости и безпредѣльной любви, и тѣло историческое, фактически пострадавшее, до того тождественны, что онъ нимало не различаетъ ихъ и это-то тѣло преподается намъ и „*держать и псть*“, слѣдовательно, преподается истинно, реально. Затѣмъ еще разъ высказавъ, что вѣрующіе и нынѣ могутъ видѣть Господа Христа такъ же хорошо, какъ нѣкогда видѣли Его волхвы, ибо жертвенникъ заступаетъ мѣсто ясель, такъ какъ на немъ также лежитъ тѣло Господа и не въ пеленахъ, какъ въ то время, но обильно осѣняемое Духомъ ²⁾, онъ заключаетъ, что недостой-

¹⁾ S. Ioann. Chrysost. op. t. X. hom. XXIV in epist. 1. ad Cor.; n. 4, col. 203—204.

²⁾ Волхвы, читаемъ мы, устыдились этого тѣла и въ ясляхъ лежащаго. И мужи, не знающіе благочестія и иноплеменные, оставивъ свое отечество и домъ, предприняли длинный путь, и пришедши со страхомъ и трепетомъ великимъ поклонились. Итакъ, да подражаемъ мы, граждане небесъ, хоть иноплеменникамъ! Ибо они, увидѣвъ и въ ясляхъ и въ вертепѣ, и не зная ничего того, что ты знаешь теперь, однако пришли съ великимъ трепетомъ. Ты же видяши

ному опасно приступать къ нему, а не участвовать въ этой таинственной вечери—голодь и смерть, и естественнымъ образомъ переходить къ мысли о плодахъ причащенія. „Эта трапеза, говоритъ онъ, нервы души нашей, союзъ мысли, основа дерзновенія, надежда, спасеніе, свѣтъ, жизнь (τῆς ψυχῆς ἡμῶν τὰ νεῦρα, τῆς διανοίας ὁ σὺνθεσμος, τῆς παρρησίας ἢ ὑπόθεσις, ἢ ἐλπίς, ἢ σωτηρία, τὸ φῶς, ἢ ζωή). Отошедши съ такою жертвою, мы съ великимъ дерзновеніемъ войдемъ въ священныя преддверія, какъ бы огражденные отовсюду какими-либо золотыми вооруженіями. И что я говорю о будущемъ? *Для тебя это именно таинство* (τοῦτὶ τὸ μυστήριον) *дѣлаетъ землю небомъ, ибо теперь позволительно видѣть на землѣ тѣло царя небесъ. Ни ангеловъ, ни архангеловъ, ни небеса, ни небеса небесъ, но Самого Владыку ихъ я показываю тебѣ. Видишь-ли, какъ на землѣ ты смотришь на то, что всего честнѣе, и не смотришь только, но и касаешься, и не касаешься только, но и пьшь, и получивъ отходишь домой?* Итакъ, очисти душу, приготовь мысль къ принятію этихъ таинствъ. Ибо если-бы тебѣ вручено было носить царское дитя съ утварью, багрянницею и діадемою, то ты отбросилъ бы все земное; теперь, получая не царское дитя челоуѣка, но Самого Единороднаго Сына Божія, не трепещешь-ли, скажи мнѣ, и не отбросишь-ли всякую любовь къ житейскому“ ¹⁾. Слѣдовательно, по ученію великаго архіепископа константинопольскаго, причащеніе св. таинъ подаетъ намъ благую надежду, доставляетъ спасеніе, ведетъ къ безсмертію и вѣчной жизни, дѣлаетъ землю небомъ, давая намъ возможность не только видѣть, но и принять въ себя пречистое тѣло воплотившагося Сына Божія. Итакъ, судя по этой

не въ ясляхъ, но на жертвенникѣ, не жену держащую, но священника предстоящаго. и Духа освящающаго съ великимъ изобиліемъ предложенные дары (Ibidem, n. 5, col. 204). То же сравненіе вмѣстѣ съ развитіемъ мысли, что незнающему за собою ничего худого можно приступать къ причащенію каждый день. какъ напротивъ погрязшему въ грѣхахъ не безопасно приступать и въ праздникъ. мы читаемъ въ hom. VI-de beato Philogonio, —S. Joann. Chrysost. op. t. 1, 2, vel. P. c. t. XLVIII, col. 753—756.

¹⁾ Εἶδες πῶς τὸ πίντων τιμιώτερον ὄρας ἐπὶ γῆς: καὶ οὐχ ὄρας μόνον, ἀλλὰ καὶ ἀπτή, καὶ οὐχ ἀπτή μόνον, ἀλλὰ καὶ ἐσθίεις, καὶ λαβῶν οἴκαδε ἀναχωρεῖς... Ibidem, n. 5, col. 205—206.

бесѣдѣ св. Златоуста, мы должны признать за истинное его представление евхаристіи то, что чрезъ нее мы существеннымъ образомъ входимъ въ единеніе со Христомъ, истинно принимая въ себя распятое за насъ честное тѣло Его и излитую на крестѣ драгоцѣнную кровь Его ¹⁾, которыя дѣйствуютъ на насъ какъ

¹⁾ Съ этой именно точки зрѣнія становятся понятными и тѣ многочисленныя изреченія св. отца, что *мы принимаемъ въ себя тѣло и кровь Господа*. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Склоняя къ милосердію, онъ говоритъ: «Христосъ предложилъ тебѣ Свое тѣло и даровалъ честную кровь, а ты не даешь и чаши воды» (S. Joann. Chrysost. op. t. VIII, in Joann. hom. LXXVII, n. 5, col. 419). Объясняя фактъ прободенія ребра Христова и истечения изъ него крови и воды, св. Златоустъ пишетъ: «не безъ значенія и неслучайно истекли эти источники, но потому, что изъ того и другого составлена церковь. Это знаютъ посвященные въ таинство: водою они возраждаются, а кровію и плотію питаются. Такъ отсюда получаютъ свое начало наши таинства; а потому когда ты приступаешь къ страшной чашѣ, приступай такъ, какъ-бы ты пилъ отъ самого ребра Христова» (Ibid., hom. LXXXV, n. 3, col. 463). «Мы вкушаемъ не манну, читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—а принимаемъ тѣло Господа,—пьемъ не воду отъ камня, а кровь отъ ребра Христова» (op. t. V, expos. in ps. XLVI, n. 2, col. 210, ср. expos. in ps. CXXXIII, col. 386), или: «Христосъ плотію Своею питаетъ тебя, кровію Своею наполяетъ тебя» (Ibid., expos. in ps. CXXXIII, n. 2, col. 356), равно: «кто сдѣлался сыномъ и вкушаетъ духовную трапезу, тотъ долженъ прославлять Отца. И ты сдѣлался сыномъ, участвуешь въ духовной трапезѣ, вкушаешь плоть и кровь Того, Кто возродилъ тебя (Ib., ex. in ps. CXLIV, n. 1, col. 464),—или—убѣждая слушателей не быть честолюбивыми, говоритъ, что «все у насъ общее, общи и духовныя блага: священная трапеза, тѣло Господа, честная кровь Его, обѣтованіе царства, баянъ возрожденія, освященіе, искупленіе» (Ibid., expos. in ps. XLVIII, n. 4, col. 517). «Дерзко, восклицаетъ также, имѣть уста, подобныя дьявольскимъ, и языкъ злого духа, особенно тому, кто участвуетъ въ столь великихъ таинствахъ и приобщается самой плоти Господа» (In. Matth. hom. LXXVIII, n. 2, Patr. c. compl. t. IIX, col. 715).—Изъ того же взгляда естественно объясняется и то многократно повторяющееся явленіе, что св. архіепископъ константинопольскій называетъ евхаристію страшною трапезою (φρικτὴ τράπεζα) или трапезою священною и страшною (ιερά καὶ φρικτὴ τράπεζα, и требуетъ нравственной чистоты отъ приступающаго къ ней. Такъ, увѣщывая слушателей къ самособранности, онъ приводитъ на память послѣдній день, день страшнаго суда и затѣмъ говоритъ: «размысливъ о приобщеніи оной страшной трапезы, о блескѣ исходящаго отсюда огня и опаляющей силѣ его, и о томъ, какая требуется отъ приступающаго душа, чистая отъ всякой скверны и нечистоты и изгнавшая изъ себя незаконныя помыслы» (S. Joann. Chrysost. op. t. IV, 1, vel. Patr. curs. compl. t. LIII, in Genesim—hom. XXIV, n. 7, col. 217). Или въ иномъ мѣстѣ пишетъ: «если мы станемъ прощать обиды, то будемъ въ состояніи съ чистою совѣстію приступить къ этой священной и страшной трапезѣ, и съ дерзновеніемъ произнести слова молитвы Господней» (Ibid., hom. XXVII, in 8, col. 251; ср. tom. III, 1, vel. Patr. c. compl. t. LI, or. in dictum

источники безсмертія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учитъ также объ евхаристіи, какъ дѣйствительномъ жертвоприношеніи, не развивая, однако, въ подробности своихъ мыслей.

Такимъ образомъ изъ разсмотрѣнія толкованій св. Златоуста на новозавѣтныя мѣста, касающіяся таинства евхаристіи, вытекаютъ слѣдующія положенія: св. отецъ во всѣхъ бесѣдахъ 1) съ настойчивостью развиваетъ мысль о реальномъ присутствіи тѣла и крови Христа въ таинствѣ алтаря; 2) съ ясностію учитъ о дѣйствительномъ принятіи (*manducatio oralis*) Христа вѣрующими,

Pauli: «oportet et haereses esse in vobis», п. 4, col. 259). «Я, читаемъ мы въ словѣ противъ зрѣлищъ, предупреждаю и объявляю громкимъ голосомъ: если кто послѣ этого увѣщанія и наставленія пойдетъ на нечестивыя и гибельныя зрѣлища, то я не впущу внутрь этой ограды, не съѣлаю причастникомъ таинствъ, не позволю ему прикоснуться къ освященной трапезѣ, но какъ пастыри отдѣляютъ шелудивыхъ овецъ отъ здоровыхъ, чтобы болѣзнь не распространилась и на прочіихъ, такъ точно поступи и я...» Далѣе. убѣждая къ ревности позаботиться объ обращеніи согрѣшившихъ, онъ пишетъ: «Богъ скажетъ тебѣ: види, какъ изъ Моего дома украденъ не серебрянный, или золотой сосудъ, но похищено иблѣмудріе, какъ тотъ, кто причащался пречистаго тѣла и участвовалъ въ такой жертвѣ, отправился въ дьявольское мѣсто и впалъ въ такое преступленіе, почему молчалъ, почему терпѣлъ, почему не объявлялъ іерею?» (S. Joann. Chrysost. op. t. VI, or. contra ludos et theatra, п. 4, col. 268 et 270). «Чтобы приобщаться, говорилъ также св. отецъ, должно наблюдать не праздники, а очищать совѣсть, и тогда прикасаться къ освященной жертвѣ. Ибо преступный и нечистый не достоинъ и въ праздникъ причащаться этой святой и страшной плоти, а чистый и омывшій свои преступленія искреннимъ покаяніемъ достоинъ и въ праздникъ и во всякое время причащаться божественныхъ таинъ, достоинъ наслаждаться божественными дарами». И, бичуя словомъ тѣхъ, которые позволяютъ себѣ выходить изъ церкви прежде послѣдняго благодаренія, онъ сравниваетъ ихъ съ іудею, оставившимъ соучениковъ и погибшимъ потому, затѣмъ продолжаетъ: «будемъ же, возлюбленные, представлять себѣ это, будемъ помышлять объ этомъ, страшась предстоящаго за то осужденія: Христосъ даетъ тебѣ Свою плоть, а ты не воздаешь Ему даже словами, и не благодарить за полученное? Когда ты вкушаешь тѣлесную пищу, то послѣ трапезы обращаешься къ молитвѣ; а когда приобщаешься пищи духовной и превосходящей всякую тварь—видимую и невидимую, ты, человекъ, униженный и по естеству, не остаешься благодарить Его и словами и дѣлами! Таинства и называются и суть таинства,—а гдѣ таинства, тамъ молчаніе. Итакъ, будемъ приступать къ этой священной трапезѣ съ глубокимъ молчаніемъ, съ великимъ благочиномъ, съ надлежащимъ благоговѣніемъ» (S. Joann. Chrysost. op. t. II, 1, vel. Patr. curs. compl. XLIX, hom. de baptismo Christi, п. 4, col. 369—372). То же самое развивается и въ V бесѣдѣ in epist. 1 ad Timoth. п. 3, op. t. XI, col. 529—530. Ср. бесѣду XXVIII—in epist. 1 ad Corinth., п. 1,—op. t. X, col. 233.

доходя въ своихъ выраженіяхъ даже до смѣшенія видимой стороны съ невидимою, а не говорить только о центральномъ, духовномъ единеніи съ Нимъ; 3) признаетъ совершенное тождество евхаристическаго тѣла съ земнымъ, которое Сынъ Божій благоволилъ воспринять отъ Дѣвы Маріи, явившись на служеніе роду человѣческому, нисколько не различая одного тѣла отъ другого; 4) говоритъ о претвореніи св. Даровъ Самимъ Христомъ, каковую мысль подробнѣе развиваетъ въ бесѣдѣ на св. Іоанна, показывая, что самое дѣйствіе претворенія принадлежитъ Духу Святому, при посредничествѣ Сына, по молитвѣ священнодѣйствующаго; 5) учитъ, что священною трапезою Христосъ, въ доказательство намъ величайшей Своей любви, спасаетъ насъ, подавая оставленіе грѣховъ и въ то же время напоминая о Своемъ благодѣянніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ св. отецъ даетъ разъясненіе мысли о нашемъ тѣснѣйшемъ общеніи со Христомъ, съ Которымъ мы, по его слову, составляемъ одно тѣло подъ Его главенствомъ; наконецъ, 6) св. Златоустъ видитъ въ евхаристіи дѣйствительную жертву, въ которой возносится Самъ Агнецъ Божій, но это положеніе у него остается безъ достаточнаго развитія; въ частности—въ бесѣдѣ на св. Матѳея рѣшается вопросъ: почему въ таинствѣ должны быть внѣшніе элементы и тѣмъ съ ясностію признаются въ немъ двѣ стороны: видимая и невидимая.

Что касается другихъ мѣстъ изъ твореній св. архіепископа константинопольскаго Златоуста, относящихся до евхаристіи, то въ нихъ содержится то же самое ученіе объ этомъ таинствѣ, какое мы нашли въ доселѣ разсмотрѣнныхъ нами бесѣдахъ его. Такъ, „приступая къ страшной и божественной трапезѣ и святому таинству“, мы, по слову св. отца, истинно причащаемся тѣла и крови Христа, *въ св. евхаристіи Богъ дѣйствительно предлагаетъ намъ Своего Сына* ¹⁾. Св. архіепископъ констан-

¹⁾ S. Joan. Chrysost. op. t. II, 1,—vel. Patr. с. с. XLIX, hom. in diem natalem Dom. n. Iesu Christi, col. 360—361.—Тоже мы встрѣчаемъ и въ другой бесѣдѣ Златоуста къ народу антиохійскому. «Илія, говоритъ здѣсь вселенскій учитель, оставилъ ученику своему милоть, и это было величайшее наследіе. Но мы, участвующіе въ таинствахъ, получили несравненно больше. Тотъ оставилъ милоть, а Сынъ Божій возносясь оставилъ намъ плоть Свою. Илія самъ

тинопольскій ясно учить, что внѣшніе элементы таинства только видимая сторона его, а что въ существѣ своемъ они совсѣмъ иное. „*Не взирай*“, говоритъ онъ въ одной своей бесѣдѣ о покаяніи ¹⁾, „*что это хлѣбъ, не почитай, что это вино, ибо не какъ обыкновенная пища идетъ своимъ путемъ,—нѣтъ, не думай такъ; но какъ если бы ты, бросивъ въ огонь воскъ, ничего не утратилъ бы и ничего не имѣлъ бы въ остаткѣ, такъ и здѣсь, представляй, что таинство соединяется съ сущностію нашего тѣла. Посему если ты приступаешь къ нему, то не думай, что дѣлаешься участникомъ божественнаго тѣла изъ руки человѣка, но скорѣе такъ, какъ получилъ Исаія раскаленный уголь, который подаль ему серафимъ клещами; и если мы примкнули губами къ божественному и непорочному боку Господа, то будемъ пить Его кровь*“. Надѣмся, что здѣсь съ ясностію высказано ученіе о сущности таинства евхаристіи, и преимущественно о невидимой, благодатной его сторонѣ; св. отецъ прямо учить о реальномъ принятіи нами Христа: „если мы примкнули губами къ божественному и непорочному боку Господа, то будемъ пить Его кровь“; онъ не считаетъ даже необходимымъ и говорить, не дѣлаютъ ли какого исключенія остающіеся виды, ибо только о тѣлѣ и крови Христа, присутствующихъ подъ этими видами, можно строго утверждать, что они не идутъ путемъ обыкновенной пищи, такъ какъ въ моментъ принятія входятъ въ жизненное, таинственное общеніе съ нами, соединяются съ сущностію нашего организма и освящаютъ его. Нельзя также думать, чтобы св. Златоустъ училъ объ уничтоженіи тѣла Христова въ насъ, сравнивая его съ воскомъ, брошеннымъ въ огонь, какъ предполагаютъ нѣкоторые ²⁾. Наряду съ этимъ сравненіемъ здѣсь находится и другое, именно—сравненіе евхаристійной пищи съ раскаленнымъ

остался безъ милоти, а Христосъ и намъ оставилъ плоть Свою и съ нею же вознесся» (ὁ Χριστός καὶ ἡμῖν κατέλιπε καὶ ἔχων αὐτὴν (σάρκα) ἀνέβη). Ibid., ad popul. Antioch. hom. II, col. 46.

¹⁾ S. Joann. Chrysost. de poenitent. hom. IX. Cp. hom. I. in Matth., col. 507—508; op. t. VII, 2, hom. LXXVIII, col. 715; t. V, hom. in ps. XLVI, col. 210; hom.—CXXIII, col. 356; CXXXIII, col. 386, CXLIV, col. 464.

²⁾ Rückert, Das Abendmahl. Sein Wesen und seine Geschichte in der alten Kirche, Leipz., 1856 r., S. 428.

углемъ, которымъ серафимъ очистилъ пр. Исаію. Изъ такихъ сопоставленій мы имѣемъ право вывести то заключеніе, что тѣло и кровь Господа Христа незамѣтно для чувственного взора проникаютъ во весь нашъ составъ и освящаютъ его, но ни чуть не уничтожаются. Таково различіе этой небесной пищи отъ всякой другой обыкновенной, такъ какъ сущность ея составляютъ тѣло и кровь Христа. Съ этой точки зрѣнія понятно и то ученіе св. Златоуста, что причащающіеся недостойно понесутъ наказаніе, какъ и распявшіе Христа. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ, объясняя слова апостола: ядый и пійй недостойнѣ — повиненъ будетъ тѣлу и крови Господа (1 Кор. XI, 29), онъ говоритъ, что смыслъ ихъ слѣдующій: *какъ распявшіе Иисуса, такъ и недостойно приобщающіеся таинъ понесутъ наказаніе*. Пусть никто не подозрѣваетъ въ этихъ словахъ преувеличеніе. Тѣло Господне есть царская одежда; а разорвавшій царскую багряницу и замаравшій ее нечистыми руками причивляютъ одинаковое оскорбленіе, посему одинаково и наказываются; такъ бываетъ и въ отношеніи къ тѣлу Христову. Иудеи растерзали его гвоздями на крестѣ, а ты, живущій во грѣхахъ, терзашь нечистымъ языкомъ и мыслию. Потому и *одинаковымъ наказаніемъ* угрожаетъ тебѣ Павелъ и дальше говоритъ: отъ того многіе изъ васъ немощны и больны, и не мало умираютъ“ (ст. 30) ¹⁾.

Встрѣчаемъ въ другихъ мѣстахъ твореній св. Златоуста и взглядъ на евхаристію, какъ жертву. Приведемъ одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ и характерныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ, находящееся въ 17-й бесѣдѣ на посланіе ап. Павла къ Евреямъ. Сказавъ, что Богъ въ ветхомъ завѣтѣ повелѣлъ приносить жертвы по причинѣ немощи и для напоминанія о грѣхахъ, св. отецъ задается вопросомъ: а мы развѣ не приносимъ жертву каждый день? Затѣмъ самъ же отвѣчаетъ: *приносимъ, но совершая воспоминаніе о смерти Христовой, и эта жертва одна, а не многія*. Какъ одна, а не многія? Такъ какъ она однажды принесена, подобно той, которая была принесена во святомъ святыхъ. Та была

¹⁾ S. Joann. Chrysost. op. t. II, 2, vel. P. c. c. t. L, hom. de sanctis martyribus, n. 3, col. 650.

образомъ этой, и сія (образъ) оной же. Мы постоянно приносимъ одного и того же Агнца, а не одного сегодня, другого завтра, но всегда одного и того же; такъ что жертва одна. Такимъ образомъ, хотя она приносится во многихъ мѣстахъ, но развѣ много Христовъ? Нѣтъ, одинъ Христосъ вездѣ, и здѣсь полный, и тамъ полный, одно тѣло Его. И какъ приносимый во многихъ мѣстахъ—есть одно тѣло, а не много тѣлъ, такъ и жертва одна. Онъ есть Первосвященникъ, принесшій очищающую насъ жертву. Ее приносимъ и мы теперь, тогда принесенную, но никогда неоскудѣвающую. Это совершается въ воспоминаніе бывшаго тогда: сіе творите, сказалъ Христосъ, въ Мое воспоминаніе. Не иную жертву (сравнительно съ тѣмъ), какъ тогдашній Первосвященникъ, но ту же самую приносимъ мы постоянно, или—лучше (сказать)—совершаемъ воспоминаніе жертвы Христовой ¹⁾. Далѣе св. учитель упоминаетъ о томъ, что многіе причащаются сей жертвы однажды въ годъ, другіе дважды, а иные нѣсколько разъ, пустытники же иногда и черезъ два года, и спрашиваетъ: кого же одобримъ? Тѣхъ, говоритъ онъ въ отвѣтъ, которые причащаются съ чистою совѣстію, съ чистымъ сердцемъ, съ безукоризненною жизнію; такіе пусть всегда приступаютъ, а иначе и однажды нѣ слѣдуетъ. И священникъ, по совершеніи жертвоприношенія, возглашаетъ: „святая святымъ“ — для отлученія недостойныхъ и дабы никто безъ вниманія и какъ случилось не приступалъ къ духовному источнику; этотъ возгласъ служить вмѣсто узъ. Почему онъ и приглашаетъ всѣхъ къ чистотѣ и святости ²⁾. Итакъ, по мнѣнію св. Златоуста, евхаристическая

¹⁾ — Τὸν αὐτὸν αἰεὶ προσφέρομεν, οὐ νῦν μὲν ἕτερον πρόβατον, αὐριον δὲ ἕτερον, ἀλλ' αἰεὶ τὸ αὐτὸ ὡστε μία ἐστὶν ἡ θυσία. Ἐπεὶ τῷ λόγῳ τοῦτω ἐπειδὴ πολλὰ αὐτῷ προσφέρεται, καὶ πολλοὶ Χριστοὶ; ἀλλ' οὐδαμῶς, ἀλλ' εἰς πανταχοῦ ὁ Χριστός, καὶ ἐνταῦθα πλήρης ὢν, καὶ ἐκεῖ πλήρης, ἐν σῶμα ἐστὶ, καὶ οὐ πολλά σώματα, οὕτω καὶ μία θυσία. Ὁ Ἀρχιερεὺς ἡμῶν ἐκεῖνός ἐστιν ὁ τὴν θυσίαν τὴν καθαιρούσαν ἡμᾶς προσενεγκών. Ἐκεῖνην προσφέρομεν καὶ νῦν, τὴν τότε προσενεχθεῖσαν, τὴν ἀνάλωτον. Τοῦτο εἰς ἀνάμνησιν γίνεται τοῦ τότε γενομένου. Τοῦτον γὰρ ποιεῖτε, φησὶν, εἰς τὴν ἐμὴν ἀνάμνησιν. Οὐκ ἄλλην θυσίαν, καθάπερ ὁ Ἀρχιερεὺς τότε, ἀλλὰ τὴν αὐτὴν αἰεὶ ποιῶμεν· μᾶλλον δὲ ἀνάμνησιν ἐργαζόμεθα θυσίας. S. Ioann. Chrysost. op. t. XII, in ep. ad Hebraeos—hom. XVII, n. 3, col. 131.

²⁾ Ibidem, n. 4—5, col. 131—133.

жертва, хотя совершается всюду по вселенной и ежедневно, всегда, однако, одна и та же, потому что въ ней постоянно и всюду приносится одинъ и тотъ же вѣчносущій Агнецъ, однажды закланный за грѣхи міра. Почему она и не есть какая-нибудь новая жертва, отличная отъ крестной, а одна и та же съ нею, и служить не къ восполненію никогда неоскудѣвающей жертвы Голгоѣской, принесенной за родъ человѣческой, но есть, такъ сказать, тиническое воспроизведеніе смерти Господа Христа. Мы приносимъ теперь ту же самую очистительную жертву, которая была совершена однажды навсегда великимъ Первосвященникомъ І. Христомъ. „Онъ, т. е. Христось, говоритъ Златоустъ, есть нашъ Первосвященникъ, принеспій очищающую насъ жертву; ее приносимъ и мы теперь, тогда принесенную, но никогда не оскудѣвающую“. Слѣдовательно, *евхаристическая жертва*, по взгляду св. отца, *совершенно тождественна съ Голгоѣскою жертвою и служитъ воспоминаніемъ ея*. Тождество это открывается и по Совершителю жертвы. Мы знаемъ взгляды на это св. отца: евхаристию, по его слову, всегда совершаетъ тотъ же Первосвященникъ, Который совершилъ ее въ первый разъ, — Самъ Господь Іисусъ ¹⁾). Но не смотря на тождество этихъ жертвъ и по существу и по Совершителю, св. отецъ намѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ и различіе между ними: *крестная жертва — кровавая, между тѣмъ евхаристическая — безкровная*. Последняя подобна жертвѣ Авраама, который сына своего Исаака, хотя и не кровавымъ, но безкровнымъ образомъ, однако съ такимъ же усердіемъ, обрекъ въ жертву на смерть, какъ если бы дѣйствительно совершилъ. „Эта жертва Исаака, говоритъ онъ, совершилась безъ кровопролитія, потому что она должна была сдѣлаться образомъ жертвы алтаря“ ²⁾). Наконецъ, *евхаристическая жертва*, какъ назначенная къ воспоминанію искупительной смерти Христа, съ тѣмъ вмѣстѣ *служитъ и благодарнымъ воспоминаніемъ всѣхъ вообще неизреченныхъ благодѣній Божіихъ*. „Страшное и столь спасительное таинство“, читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ твореній

¹⁾ S. Joann. Chrysost. op. t. VII, 2, Hom. in Matth. L, n. 3, col. 507.

²⁾ S. Joann. Chrysost. hom. in Matth. I. П.

св. Златоуста, „совершаемое во время св. литургіи, называется евхаристіею (*εὐχαριστία*—благодареніе), потому что оно служить воспоминаніемъ многихъ благодѣяній и указываетъ на важнѣйшее дѣйствіе промысленія Божія и потому, что чрезъ все сіе возбуждаетъ насъ къ благодарности... Посему-то священникъ во время предложенія оной жертвы повелѣваетъ намъ благодарить Бога за всю вселенную, за отсутствующихъ, находящихся въ храмѣ, за тѣхъ, которые были прежде насъ, и за тѣхъ, которые будутъ послѣ насъ... Будемъ же благодарить Бога за неизреченныя блага, обнаружившіяся особенно въ домостроительствѣ. Богъ предалъ за насъ—враговъ Своихъ—предалъ Того, Который былъ для Него всего драгоцѣннѣе, Единороднаго Сына Своего, и не только предалъ, но и послѣ сего предложилъ намъ Его въ пищу. Онъ все Самъ для насъ сдѣлалъ и даровалъ намъ Сына Своего и содѣлалъ насъ благодарными за это чрезъ таинство евхаристіи“ ¹⁾. Слѣдовательно, *евхаристія*, какъ можно видѣть уже изъ приведенныхъ словъ, по его взгляду, *совершается за вѣсѣхъ*, — она усваивается людямъ, по мѣрѣ ихъ пріемлемости, заслуги всесовершенной и безпредѣльно могущественной жертвы крестной. Потому, какъ сила жертвы крестной обнимаетъ живыхъ и умершихъ, такъ и евхаристія есть умиловительная жертва за спасеніе вѣсѣхъ, т. е. не только за живыхъ, причащающихся ея, но и умершихъ. Въ другихъ мѣстахъ твореній св. Златоуста мы находимъ довольно ясное подтвержденіе этого. Доказывая, что не надобно предаваться неумѣренной скорби объ умершихъ, но должно помогать имъ молитвами и благотвореніями, онъ пишетъ: „сокрушаюсь потому, говоришь, что отошелъ грѣшникомъ. Это отговорка и предлогъ. Если поэтому плачешь объ отшедшемъ, то надлежало бы живого исправлять и приводить къ благонаравію. А если онъ умеръ и грѣшникомъ, то должно радоваться потому, что пересталъ грѣшнить и не умножаетъ зла, и надобно, сколько можно, помогать не слезами, но молитвами, моленіями, милостынями и приношеніями. Ибо не просто придумано это, *и не напрасно дѣлаемъ*

¹⁾ S. Joann. Chrysost. op. t. VII, 1, vel P. c. c. t. LVII, in Matth. hom. XXV, n. 3—4, col. 331—332.

мы поминовенія объ отшедшихъ предъ Божественными тайнами и приступая умоляемъ за нихъ предлежащаго Агнца, Который взялъ грѣхъ міра, но чтобы отсель было имъ какое-либо утѣшеніе. И ненапрасно предстоящій предъ жертвенникомъ, на коемъ совершаются страшныя таинства, вызываетъ о всѣхъ во Христѣ почившихъ, и о совершающихъ поминовеніе о нихъ. Если бы не было за нихъ поминовеній (издревле отъ временъ апостольскихъ), то и сего не говорили бы. Ибо наше служеніе не забава,—да не будетъ сего!—но совершается по устроению Духа. Итакъ, будемъ помогать имъ и совершать поминовеніе о нихъ. Если дѣтей Іова очищали жертвы отца: то зачѣмъ сомнѣваешься въ томъ, будетъ-ли какое утѣшеніе отшедшимъ, когда мы приносимъ за нихъ жертву? Богъ обыкновенно являетъ милость однимъ ради другихъ. И на это указывалъ Павелъ, говоря: да отъ многихъ лицъ, еже въ насъ дарованіе, многими благодарится о васъ (2 Кор. I, 11). Да не облѣнимся помогать отшеднимъ и приносить за нихъ молитвы. *Ибо предлежитъ общая для всего міра очистительная жертва* (καὶ γὰρ τὸ κοινὸν τῆς οἰκομενῆς καίτα χαθάρσιον). Посему съ дерзновеніемъ молимъ мы тогда о вселенной и произносимъ имена почившихъ наряду съ мучениками, исповѣдниками и священниками. Мы все одно тѣло, хотя одни члены свѣтлѣе другихъ. И, безъ сомнѣнія, возможно имъ пріобрѣсти прощеніе чрезъ молитвы, чрезъ дары, приносимые за нихъ, и чрезъ именуемыхъ вмѣстѣ съ ними. Итакъ, зачѣмъ скорбишь? Зачѣмъ плачешь, когда можно пріобрѣсти отшедшему такое прощеніе* 1)?

Одно, повидимому, мѣсто изъ твореній св. Златоуста прямо противорѣчитъ тому взгляду на таинство евхаристіи, какой мы усвоаемъ ему; это—письмо къ Кесарію монаху. Въ немъ св. отецъ, касаясь вопроса о неслитности двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ, утверждаетъ, что Христосъ есть вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ и въ то же время—одинъ, обладая въ соединенныхъ естествахъ однимъ господствомъ, одною властію, однако эти естества не единосущны

1) S. Joann. Chrysost. op. t. Xii epist. l. ad. Cor. hom. XII, n. 4—5, col. 561.

и каждое изъ нихъ сохраняетъ собственныя свойства, такъ какъ, оба они — неслитны, и затѣмъ даетъ такое сравненіе: „какъ хлѣбъ прежде нежели освятится, мы называемъ хлѣбомъ: когда же Божественная благодать освящаетъ его при посредствѣ священника, онъ уже свободенъ отъ наименованія хлѣбомъ, но сталъ достоинъ имени тѣла Господня, хотя натура хлѣба въ немъ осталась, и мы проповѣдуемъ не два тѣла, но одно тѣло Сына; такъ и здѣсь, по видѣннѣи Божественнаго естества въ тѣло, то и другое вмѣстѣ составили одного Сына, одно лицо, при нераздѣльности въ то же время и неслитности познаваемое — не въ одномъ только естествѣ, но въ двухъ совершенныхъ“. И нѣсколько далѣе прибавляетъ: „обыкновенно предлагаютъ въ возраженіе: развѣ не тѣла и крови Бога мы причащаемся вѣрно и благочестиво? Да, — надобно сказать имъ, но не потому, чтобы Божество по естеству Своему прежде вочеловѣченія обладало тѣломъ и кровію, а потому говорится такъ, что Оно усваиваетъ плоть“¹⁾. — Основываясь исключительно на этомъ мѣстѣ, мы, повидимому, вмѣстѣ съ Мейеромъ и Бауромъ должны бы представлять ученіе св. отца объ евхаристіи въ такомъ видѣ: Сынъ Божій (въ моментъ воплощенія) вступилъ въ общеніе съ человѣческимъ тѣломъ чрезъ Божественный актъ и образовалъ съ послѣднимъ единство, которое мы называемъ Христомъ, но такъ, что оба естества Его сохраняютъ свои свойства, — подобно этому и въ евхаристіи чрезъ *sanctificatio divinae gratiae* къ хлѣбу снисходитъ Божественная природа, и то и другое, будучи предложено безъ измѣненія своей сущности, дѣлается новымъ смѣшеніемъ, изъ двухъ образуется одно, это — тѣло Христа, но такъ, что оба они (и хлѣбъ и божество) удерживаютъ свои свойства, и слѣдовательно хлѣбъ навсегда остается хлѣбомъ. Но такое пониманіе

¹⁾ Sicut antiquam sanctificetur panis, panem nominamus; divina amute illi in sanctificante gratia, mediante sacerdote, liberatus est quidem ab appellatione panis; dignus autem habitus dominici corporis appellatione, etiamsi natura panis in ipso permansit, et non duo corpora, sed unum corpus Filii praedicamus. Οὕτω καὶ ἐνταῦθα τῆς θείας ἐνδοξομένης τῆ σαρκὶ φύσεως, ἕνα ὕψον, ἐν πρόσωπον τὸ συναμψότερον ἀνετέλεσαν. S. Joann. Chrysost. op. t. III, 2, vel P. c. c. t. LII, cp. ad Caesarium Monachum, col. 758—759.

ясно противорѣчить тому, не разъ воспроизводимому св. Златоустомъ, взгляду, что 1) хлѣбъ по освященіи—уже не хлѣбъ, но истинное тѣло Христа, и что 2) послѣднее получается вслѣдствіе претворенія виѣшнихъ элементовъ, такъ что ихъ собственно нѣтъ въ таинствѣ, хотя и представляются таковыми для чувственнаго взора. Съ другой стороны, сравненіе само по себѣ еще не предполагаетъ съ необходимостію совершеннаго тождества между сравниваемыми предметами. Нерѣдко св. отцы также ставятъ въ сравненіе наше единеніе со Христомъ чрезъ причащеніе съ ипостаснымъ Его единеніемъ съ человѣческою природою,—но развѣ между этими двумя явленіями тождество? Притомъ и нельзя при объясненіи даннаго мѣста указывать съ особенною силою на выраженіе: „*etiamsi natura panis in ipso permansit*“, имѣющее здѣсь, повидимому, рѣшающее значеніе. Согласно съ тогдашнимъ словоупотребленіемъ—„*natura*“, какъ и соответствующее ему греческое—*φύσις*, означаетъ не только: 1) рожденіе, 2) естественное качество, природа; 3) порядокъ, законъ природы; 4) сущность, но и 5) свойство, положеніе, видъ,—короче, это слово можетъ употребляться не только въ приложеніи къ субстанціи, но и къ виѣшнему виду, почему и все мѣсто можетъ получить иной смыслъ: хлѣбъ, по освященіи Божественною благодатію, дѣлается тѣломъ Христа, хотя наружный видъ его и удерживается,—взглядъ несколько православный, настолько же и не противорѣчающій другимъ мѣстамъ того же Златоуста. Замѣчательно въ этомъ случаѣ дальнѣйшее добавленіе: не два тѣла, но одно тѣло Сына мы проповѣдуемъ, т. е. претворенный благодатію Божіею хлѣбъ образуетъ не новое какое-либо тѣло Христа, но составляетъ то же самое, которое Онъ воспринялъ: мы признаемъ и возвѣщаемъ одно тѣло Его. И такъ какъ сіе тѣло вошло въ ипостасное единеніе со Словомъ, Сыномъ Божіимъ, то поэтому мы имѣемъ право всегда сказать, что причащаемся плоти и крови Бога; новое подтвержденіе того, что, по мысли св. Златоуста, въ евхаристіи мы вкушаемъ не хлѣбъ и вино, а истинно принимаемъ въ себя тѣло и кровь Господа. Въ силу такихъ соображеній, намъ кажется, легче допустить, что св. отцемъ сдѣлано сравненіе не

въ строгомъ смыслѣ и что невозможно выставить его въ опроверженіе принятой имъ идеи претворенія даровъ. Въ другихъ мѣстахъ мы находимъ ясное подтвержденіе мысли, что въ св. евхаристіи хлѣбъ и вино не остаются въ ихъ естественномъ видѣ, но дѣйствительно измѣняются, претворяются въ тѣло и кровь Христа. Такъ, въ одной изъ бесѣдъ св. Златоустъ пишетъ: „была нѣкогда пасха іудейская, но теперь отмѣнена, и наступила пасха духовная (τὸ πνευματικὸν πάσχα), которую преподаль Христосъ. Ибо когда ученики ѣли и пили, тогда Онъ, говорится, взявъ хлѣбъ, преломилъ и сказалъ: сіе есть тѣло Мое, за васъ ломимое въ оставленіе грѣховъ. Посвященные разумѣютъ сказанное. Также взявъ и чашу, сказалъ: сія есть кровь Моя, за васъ изливаемая въ оставленіе грѣховъ (Мато. XXVI, 26—28). И Іуда присутствовалъ, когда Христосъ говорилъ это. Сіе есть тѣло, которое ты, Іуда, продалъ за 30 сребренниковъ; сія есть кровь, о которой ты недавно заключилъ безстыдные условія съ неблагодарными фарисеями... Христосъ употребилъ все съ Своей стороны для вразумленія Іуды, но онъ остался при своемъ нечестивомъ намѣреніи. *Но время приступить къ этой страшной трапезѣ... И нынѣ предстоитъ Тотъ же Христосъ; Кто приготовилъ ту трапезу, Тотъ же приготовляетъ и эту теперь. Ибо не человекъ дѣлаетъ, что предложенное становится тѣломъ и кровію Христа, но Самъ распятый за насъ Христосъ. Іерей, выполняя образъ, стоитъ и произноситъ оныя слова; сила же и благодать отъ Бога. Сіе есть тѣло Мое, говоритъ. Сіе слово измѣняетъ предложенное. И какъ оный гласъ, говорящій: раститесь и множитесь, и наполните землю (Быт. I, 28), однажды изреченъ, а во всякое время даетъ природѣ нашей силу чадородія; такъ и сей гласъ, произносимый надъ каждою трапезою въ церквахъ, съ того времени до нынѣ и до пришествія Его, совершаетъ приготовленную жертву“¹⁾. По-*

¹⁾ Πάρεστιν ὁ Χριστός, καὶ νῦν ἐκεῖνος ὁ τὴν τράπεζαν διακοσμήσας ἐκείνην, οὗτος καὶ ταύτην διακοσμεῖ νῦν. Οὐδὲ γὰρ ἄνθρωπος ἐστὶν ὁ ποιῶν τὰ προκειμένα γενέσθαι σῶμα καὶ αἷμα Χριστοῦ, ἀλλ' αὐτός ὁ σταυρωθεὶς ὑπὲρ ἡμῶν Χριστός. Σχημα πληρῶν ἐστὶν ὁ ἱερεὺς τὰ ῥήματα φηγγόμενος ἐκεῖνα· ἦδη δύναμις καὶ ἡ χάρις τοῦ Θεοῦ ἐστίν. Τοῦτό μοι ἐστὶ τὸ σῶμα, φησί. Τοῦτο τὸ ῥήμα μεταρρύθ-

сему св. отецъ убѣждаетъ не имѣть скверны, или порока, но въ чистотѣ приступать къ страшной и святой „этой жертвѣ“, вкушать „эту духовную пищу“, дабы она не послужила въ осужденіе. „Постыдись, говоритъ онъ затѣмъ, самаго сего приношенія, предлежитъ закланный Христосъ“. Такимъ образомъ изъ сказаннаго св. отцемъ вытекаетъ, что Спаситель, сказавъ ученикамъ Своимъ: примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, и заповѣдавъ имъ творить то же самое, что сотворилъ Онъ предъ ними на тайной вечери, тѣмъ самымъ даровалъ имъ власть священнодѣйствовать Его тѣло и кровь, такъ что собственныя Его слова: „сіе есть тѣло Мое, сіа есть кровь Моя“—служать несомнѣнною порукою въ томъ, что установленное и совершенное Имъ таинство евхаристіи донныѣ дѣйствуется подобно тому, какъ и нѣкогда сказанныя нашимъ прародителямъ слова: раститесь и множитесь и пр., донныѣ исполняются неложно. И слова: „сіе есть тѣло Мое, сіа есть кровь Мея“ — доселѣ остаются и до скончанія вѣка пребудуть нелживыми, повторяясь въ церквахъ священнослужителями надъ хлѣбомъ и виномъ, ибо Онъ Самъ невидимо прелагаетъ ихъ въ Свое тѣло и кровь ¹⁾). Слѣдовательно, слова Спасителя: „сіе есть тѣло Мое“, *измѣняющія*, по выраженію Златоуста, (μεταρρῶμιζεις) *предложенное, имѣютъ смыслъ закона, разъ навсегда установленнаго*. Ибо всякій разъ Христосъ Самъ непосредственно освящаетъ и прелагаетъ дары евхаристіи, іереи же, произносящіе приведенныя слова, занимаютъ только мѣсто слугъ: „та трапеза, за которою было установлено таинство“, говоритъ св. отецъ въ одномъ мѣстѣ своихъ твореній, „не имѣетъ ничего большаго сравнительно со всякой послѣдующей (οὐδὲν πλεόν ἔχει ἐκείνη ἢ τράπεζα τῆς μετὰ ταῦτα), потому что и днесь совершаю-

μιζεις τὰ προκείμενα καὶ καθάπερ ἡ φωνὴ ἐκείνη ἠλέγρουσα. Ἀδξάνεσθε, καὶ πληθύνεσθε, καὶ πληρώσατε τὴν γῆν ἐρρέθη μὲν ἀπαξ, διὰ παντός δὲ τοῦ χρόνου γίνεται ἔργω ἐνδυναμοῦσα τὴν φύσιν τὴν ἡμετέραν πρὸς παιδοποιίαν. οὕτω καὶ ἡ φωνὴ αὐτῆ ἀπαξ λεγθεῖσα καθ' ἐκάστην τράπεζην ἐν ταῖς ἐκκλησίαις ἐξ ἐκείνου μέχρι σήμερον καὶ μέχρι τῆς αὐτοῦ παρουσίας, τὴν θυσίαν ἀπηρτισμένην ἐργάζεται.—S. Ioann. Chrysost. op. t. II, 1,—De proditiōne Iudae hom. 1. col. 380—382. Ср. Тоже самое въ hom. II—de proditiōne Iudae, ibid. col. 389—390.

¹⁾ Смотр. «Обличительное Богословіе».—Архим. Иннокентія, т. II, Казань, 1859 г., стр. 231—236.

щій все и предающій Онъ, какъ и тогда¹⁾. И значить, *нельзя утверждать*, что, по его взгляду, *претвореніе Даровъ совершается именно вышеприведенными словами Спасителя и только ими одними*. Въ твореніяхъ св. Златоуста мы находимъ то же самое ученіе относительно этого пункта, которое содержитъ нынѣ православная церковь. Такъ, приглашая слушателей въ одной изъ своихъ бесѣдъ — приступить къ трапезѣ, содержащей Агнца закланнаго и принесеннаго въ жертву, со страхомъ, великимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ, св. отецъ указываетъ на ангеловъ, съ благоговѣніемъ стоявшихъ при пустомъ гробѣ потому только, что онъ содержалъ тѣло Господа, и продолжаетъ затѣмъ: „что дѣлаешь ты, человѣкъ! Когда священникъ стоитъ предъ трапезою, *воздвывая руки къ небу и призывая Духа Святаго, чтобы Онъ сошелъ и коснулся лежащихъ Даровъ*, тогда великая тишина, великое безмолвіе. *Когда же Духъ дастъ благодать, когда Онъ сойдетъ, когда коснется лежащихъ Даровъ, когда ты увидишь Агнца уже закланнаго и готоваго*, тогда начинаешь шумъ, тогда смятеніе, тогда споръ, тогда брань! Какъ же ты можешь причаститься этой жертвы, приступая къ трапезѣ съ такимъ смятеніемъ?.. Помысли, что такое предлежитъ и для чего оно: (агнецъ) закланъ для тебя, а ты съ пренебре-

¹⁾ S. Joann. Chrysost. op. t. X, in 1 ep. ad Cor. hom. XXVII, n. 4, col. 229. Св. Златоустъ неоднократно упоминаетъ, что «приношеніе (въ евхаристіи) одно и то же, кто бы ни совершалъ его, Павелъ ли, Петръ ли: оно то же самое, которое Христосъ преподавалъ ученикамъ Своимъ, то же самое совершаютъ и нынѣ священники; это нисколько не хуже того, ибо и это не люди освящаютъ, а Самъ Богъ, освятившій его и тогда (S. Joann. Chrysost. op. t. XI, in epist. II ad Timoth. hom. II, n. 4, col. 612). Или въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ своимъ слушателямъ: «вѣруйте, что и нынѣ совершается та же вечеря, на которой Самъ Христосъ возлежалъ. Ибо ничѣмъ не отлична одна отъ другой. *Нельзя сказать, что сію совершаетъ человекъ; напротивъ ты и другую совершаетъ Самъ Онъ* (οὐδὲ γὰρ τοῦτο μὲν ἀνθρώπος ἐργάζεται, ἐκείνο δὲ αὐτός, ἀλλὰ καὶ τοῦτο καθεῖνο αὐτός). Посему когда видишь, что священникъ преподаетъ тебѣ дары, представляя, что не священникъ дѣлаетъ это, но Христосъ простираетъ къ тебѣ руку. Раздайте дары и въ крещеніи и въ евхаристіи является невидимо Самъ Богъ. Итакъ, послушаемъ, священники и міряне, чего мы удостоились; послушаемъ и ужаснемся! *Христосъ далъ намъ въ пищу плоть Свою, Самого Себя предложилъ въ жертву*» (S. Joann. Chrysost. op. t. VII, 2, P. c. c. h. LVIII, in Matth. hom. L, n. 3, col. 507—508).

живіемъ взираешь на него закланнаго. Помысли, что такое изливается. Это кровь, кровь, которая очистила твою душу, которая омыла твои нечистоты, которая восторжествовала надъ началами и властями“¹⁾. — Или въ другомъ мѣстѣ, показывая „свойства благодатнаго служенія“ въ сравненіи съ важными таинственными принадлежностями служенія ветхозавѣтнаго, тотъ же св. отецъ пишетъ: „когда видишь Господа закланнаго и предложеннаго въ жертву, — священника предстоящаго сей жертвѣ и возносящаго молитвы, народъ же окропляемый драгоцѣнною ея кровію, еще ли думаешь, что ты находишься среди людей и стоишь на землѣ, что ты не перенеси мгновенно на небеса и, отвергнувъ всѣ плотскія помышленія души, обнаженнымъ отъ всего земнаго духомъ и чистымъ умомъ не созерцаешь небесное? О, чудо! О, человѣколюбіе Божіе! Сѣдящій въ горьнихъ съ Отцемъ въ сей часъ объемлется руками всѣхъ, — даетъ Себя осязать и ощущать всѣмъ, кто только желаетъ... Превосходство этой святости открывается и чрезъ сравненіе съ жертвоприношеніемъ Иліи. Здѣсь предстоитъ священникъ, низводя не огонь, но Святаго Духа, возноситъ усердную молитву не о томъ, чтобы какой-либо огонь, ниспавъ съ неба, потребилъ подлежащіе дары, но о томъ, чтобы благодать, ниспавши на жертву, возжила души всѣхъ людей и содѣлала свѣтлѣйшими чистаго серебра“²⁾. Такое страшное

1) "Όταν ἐστῆκη πρὸ τῆς τραπέζης ὁ ἱερεὺς, τὰς χεῖρας ἀνατείνων εἰς τὸν οὐρανὸν, καλῶν τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον τοῦ παραγενέσθαι καὶ ἄψασθαι τῶν προκειμένων, πολλὴ ἡσυχία, πολλὴ σιγή. "Όταν διδῶ τὴν χάριν τὸ Πνεῦμα, ὅταν κατέλθῃ, ὅταν ἄψῃται τῶν προκειμένων, ὅταν ἴδῃς τὸ πρόβατον ἐσφαιρισμένον καὶ ἀπῆρτισμένον, τότε θόρυβον, τότε παραχῆν, τότε φιλονεικίαν, τότε λοιδορίαν ἐπεισάξεις;—S. Joann. Chrysost. op. t. II, 1, vel. Patr. c. compl. t. XLIX, hom. de coemeterio et cruce, col. 397.

2) "Ἔστηκε γὰρ ὁ ἱερεὺς, οὐ πῶρ καταφέρων, ἀλλὰ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον καὶ τὴν ἱκετηρίαν ἐπὶ πῶρ ποιεῖται, οὐχ ἵνα τις λαμπρὰς ἀνωθεν ἀφθεΐας καταλάβῃ τὰ προκειμένα, ἀλλ' ἵνα ἡ χάρις ἐπιπεσοῦσα τῇ θυσίᾳ δι' ἐκείνης τὰς ἀπάντων ἀνάψῃ ψυχὰς, καὶ ἀργυρίου λαμπρότερας ἀποδείξῃ πεπορωμένου... S. Joann. Chrysost. op. t. 1, 2, vel. Patr. curs. compl. t. XLVIII, de sacerdotio, lib. III, n. 4, col. 642—643.—Ср. почитанное выше сочиненіе арх. Иннокентія, ч. II, стр. 231—236. Въ подтвержденіе защищаемой нами мысли здѣсь еще можно указать на литургію св. Златоуста, въ которой послѣ словъ Спасителя есть молитва для призванія Св. Духа на предложенные дары (о чемъ мы еще упомянемъ въ своемъ мѣстѣ), и на взгляды о преложеніи даровъ, встрѣчающіеся у учениковъ св. отца, какъ то: Прокла Константинопольскаго и Нила Сиваискаго.

таинство можетъ ли кто презрять, кромѣ человѣка, лишеннаго вовсе ума и чувствъ“. И нѣсколько далѣе: „безумно не имѣть уваженія къ такому достоинству (священству), безъ котораго нельзя получить спасенія и общанныхъ благъ. Если невозродившійся водою и Духомъ не можетъ войти въ царствіе небесное, и не лдущій тѣла Господня и не пьющій крови Его отвергается отъ жизни вѣчной, и все это совершается никѣмъ другимъ, какъ только освященными руками, разумѣю—руками іереевъ: то какимъ образомъ безъ посредства ихъ возможетъ кто-нибудь и избѣжать огня геенскаго и получить уготованные вѣнцы?“ — Слѣдовательно, евхаристія, какъ и крещеніе, по взгляду св. Златоуста, можетъ совершаться исключительно только освященными руками, или—иначе—законно-поставленными іереями и епископами. Съ другой стороны, онъ ясно учитъ, что *таинственную жертву евхаристическую совершаетъ благодать Божія, нисходящая, по молитвъ священнодѣйствующаго, на св. дары*, такъ что „не было бы таинственнаго тѣла, если бы не было благодати Духа Святаго“, и значить, подобно Кириллу Іерусалимскому, онъ признаетъ необходимымъ призываніе Св. Духа (*ἐπίκλησις τοῦ ἁγίου Πνεύματος*). Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что претвореніе даровъ, по взгляду св. отца, совершается не словами только Спасителя, изреченными Имъ при установленіи евхаристіи, но наитіемъ Св. Духа—въслѣдствіе призыванія со стороны литургическаго, въ силу заслугъ Господа Христа и по Его непреложной, безпредѣльно-любеобильной волѣ. Все же разсматриваемое мѣсто убѣждаетъ въ томъ, что св. отецъ истинно признавалъ дѣйствительное присутствіе тѣла и крови Христа въ евхаристіи. Если же онъ и называлъ эту „пищу—духовною“, или „духовною пасхою“, то не отрицалъ тѣмъ реальнаго общенія вѣрующихъ съ ними. Св. отецъ самъ даетъ намъ объясненіе термина—„духовный“. Толкуя слова апостола, „не хочу оставить васъ, братіе, въ невѣденіи, что отцы наши *всѣ были подлѣ облакомъ и всѣ прошли сквозь море*“ (1 Кор. X, 1),—и показывая близкое отношеніе обоихъ заветовъ, онъ говоритъ, какимъ образомъ переходъ евреевъ чрезъ Черное море прообразовалъ крещеніе, затѣмъ продолжаетъ:

„теперь я объясню тебѣ, какъ прообразована тамъ (въ ветхомъ завѣтѣ) и трапеза и приобщеніе таинъ. Сказавъ о морѣ, облакѣхъ и Моисеѣ, апостолъ присовокупилъ: и все ѣли одну и ту же духовную пищу (ст. 3). Какъ ты, говоритъ, выходя изъ водной купели, приступаешь къ трапезѣ, такъ и они, по выходѣ изъ моря, приступили къ трапезѣ, новой и необыкновенной, разумью манну. И еще: какъ ты имѣешь необыкновенное питье—спасительную кровь, такъ и они имѣли питье необыкновеннаго рода, нашедши не источники и не текуція рѣчки, но получивъ изъ твердаго и безводнаго камня весьма обильные потоки. Посему онъ и назвалъ это питье духовнымъ, не потому, чтобы оно было такимъ по своей природѣ, но потому, что было такимъ по способу произведенія. Ибо не по закону природы оно дано было имъ, а по дѣйствию Бога, Который велъ ихъ“¹⁾. Итакъ, если ветхозавѣтныя пища и питье—манна и вода изъ камня, по слову св. Златоуста, должны быть названы духовными, „ибо не по закону природы были даны“, то тѣмъ болѣе этотъ эпитетъ приличествуетъ новозавѣтному таинству, въ которомъ Самъ Господь предлагаетъ намъ Свою плоть и кровь для насасидія вѣчной жизни. Велѣдствіе этого встрѣчаемое нами у св. отца наименованіе евхаристіи—духовною—не должно и не можетъ насъ наводить на сомніе. Въ дальнѣйшей рѣчи св. отецъ снова выражаетъ свою вѣру, что всякій вѣрующій дѣйствительно принимаетъ „историческое“ тѣло Христа. „Какъ Христосъ одинъ, говоритъ онъ, такъ одна и трапеза для всехъ. Какъ въ церкви не иное тѣло принимаетъ богатый, а иное бѣдный, и не иную кровь тотъ, а иную этотъ, такъ и тогда не иную манну получалъ богатый, а иную бѣдный, не инымъ источникомъ пользовался тотъ, а инымъ худшимъ этотъ; но какъ теперь одна и та же трапеза, одна и та же чаша, одна и та же пища предлагается всемъ, такъ и тогда

¹⁾ Διὰ τοῦτο αὐτὸ καὶ πνευματικὸν ἔκαλεσεν, οὐκ ἐπειδὴ τῆ φύσει τοιοῦτον ἦν, ἀλλὰ ἐπειδὴ τῷ τρόπῳ τῆς χορηγίας τοιοῦτον ἐγένετο. Οὐ γὰρ κατὰ φύσεως ἀκολουθίαν αὐτοῖς ἐδίδοτο, ἀλλὰ κατὰ τὴν ἐνέργειαν τοῦ σπαρατῆρουτος αὐτῶν Θεοῦ... S. Joann. Chryst. op. t. III, 1, vel. P. c. c. t. II, hom. in. dictum Pauli: nolo vos ignorare etc., n. 4, col. 248—249.

одна и та же манна, одинъ и тотъ же источникъ предлагались всѣмъ“¹⁾).

Наконецъ, въ заключеніе своего обзрѣнія твореній св. Златоуста въ отношеніи къ ученію его о таинствѣ евхаристіи мы должны сказать еще нѣсколько словъ о литургіи съ его именемъ. Правда, подлинный текстъ ея не сохранился, вслѣдствіе чего мы принуждены вмѣсто оригинала пользоваться уже древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ (именно Барбериновымъ); но несомнѣнно, что въ числѣ трудовъ сего вселенскаго святителя была литургія. „Спустя немного времени послѣ св. Василія, — писалъ ближайшій ученикъ Златоуста, св. Прокль Константинопольскій, оный златословесный отецъ нашъ Іоаннъ, какъ пастырь ревностно заботящійся о спасеніи овецъ и обращающій вниманіе на лѣность человѣческой природы, захотѣлъ исторгнуть съ корнемъ всякій сатанинскій предлогъ, посему и исключилъ многое (изъ литургіи), и учредилъ, чтобы она совершалась сокращеннѣ“²⁾. Онъ составилъ такую совершенную форму литургіи, которая осталась въ сущности навсегда неизмѣнною, не смотря ни на какія послѣдующія прибавленія. Въ ней существенныя принадлежности евхаристическаго священнодѣйствія яснѣйшимъ образомъ отдѣлены отъ тѣхъ, которыя могли измѣняться по волѣ предстоятелей церкви и по обстоятельствомъ времени³⁾. Слѣдовательно, сущность ея, — что для насъ и важно, — болѣе или менѣе свободна отъ позднѣйшихъ прибавленій и приращеній. Въ ней литургисующій, приготовляясь къ совершенію важнѣйшаго акта, молитъ Бога, дабы Онъ содѣлалъ его способнымъ „принести дары и жертвы духовныя за свои грѣхи и за грѣхи народа“, чтобы самая жертва была благодатною и чтобы благій Духъ благодати нисшелъ на священнодѣйствующихъ, на предлагающіе Дары и народъ⁴⁾. Затѣмъ приступая къ совершенію самаго

¹⁾ Ibidem. Ср. t. II, 2, vel. P. c. c. t. L, — hom. de resurrectione Domini nostri Iesu Christi, n. 2, 3, col. 436—437.

²⁾ De tradit. div. missae. Patr. curs. comp., — Migne, t. LXV, col. 850.

³⁾ Собраніе древнихъ литургій въ переводѣ на русскій языкъ, вып. II, стр. 118.

⁴⁾ Молитва приношенія, по окончаніи таинственной пѣсни, — тамъ же, стр. 123.

священнодѣйствія, онъ возсылаеть благодареніе Богу за всё Его благодѣянія, начиная съ созданія⁴⁾, приводитъ на память исторію установленія таинства, долженствующаго совершаться до окончанія вѣка, призываетъ Св. Духа на подлежащіе Дары, которые послѣ благословенія и прелагаются въ тѣло и кровь Христа; далѣе молится за всёхъ живыхъ и умершихъ. Обращаясь въ молитвѣ къ Богу Отцу, священнодѣйствующій говоритъ: „Ты такъ возлюбилъ міръ Твой, что отдать Сына Твоего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную, Который, пришедши и исполнивъ все домостроительство о насъ, въ ту ночь, въ которую Онъ предалъ Себя, взявъ хлѣбъ въ Свои святые и пречистые и пренепорочныя руки, благодаривъ и благословивъ (и освятивъ), преломилъ и подалъ св. Своимъ ученикамъ и апостоламъ, сказавъ: примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, за васъ ломимое въ оставленіе грѣховъ. Подобнымъ образомъ и чашу послѣ вечера (подавъ), говоря: пейте изъ нея всё, сія есть кровь Моя новаго завета, за васъ и за многихъ проливаемая въ оставленіе грѣховъ“. И, когда народъ отвѣтитъ: „аминь“, онъ продолжаетъ: „итакъ, воспомявая сію спасительную заповѣдь и все совершившееся ради насъ, крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, востшествіе на небеса, съденіе одесную, еще второе и славное пришествіе — Твое изъ Твоего принося по всему и для всего, (народъ) — Тебя воспѣваемъ“. — Обращаемъ вниманіе на цѣль, съ какою приводятся въ изложенной молитвѣ слова Господа Иисуса Христа, сказанныя Имъ при установленіи таинства: „ими только воспоминается спасительная заповѣдь Его“. И значить несправедливо предполагають, что будто бы, по взгляду св. отца, этими именно словами Спасителя и только ими одними совершается претвореніе даровъ на литургіи. Зачѣмъ въ такомъ случаѣ потребовалось бы непосредственно за симъ помѣщать еще молитву для призванія Св. Духа? Едва ли бы также осмѣлился св. отецъ сдѣлать отъ себя прибавку, если бы въ его время церковь вселенская не вѣрила и не учила о моментѣ пре-

⁴⁾ Эта молитва начинается словами: «Достоинно и справедливо Тебя воспѣвать» и проч.,—стр. 125,—тамъ же.

творенія даровъ такъ, какъ вѣрить и учить нынѣ церковь православная. Молитва же о призваніи Св. Духа, произносимая священникомъ тайно, читается такъ: „Еще приносимъ Тебѣ сію словесную и безкровную службу, просимъ и молимъ и умоляемъ: ниспосли Духа Твоего Святаго на насъ и на подлежащія дары сіи. (И воставъ знаменуетъ, говоря тайно) — *и содѣлай хлѣбъ сей драгоценнымъ тѣломъ Христа Твоего, преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ. Аминь. А то, что въ чашь сей, — драгоценною кровію Христа Твоего, преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ.* (Священникъ тайно) — *чтобы они были для причащающихся (дарами) къ трезвенности души, въ оставленіе грѣховъ, въ общеніе Святаго Твоего Духа, къ достиженію царства, къ дерзновенію предъ Тобою, не въ судъ или въ осужденіе* ¹⁾). Такимъ образомъ здѣсь подобно тому, какъ и въ бесѣдахъ, признается необходимымъ — призваніе Св. Духа и чрезъ Него Самъ Господь Христосъ претворяетъ дары, предлагая ихъ въ Свое честное тѣло и въ Свою пречистую кровь, которыя, слѣдовательно, истинно присутствуютъ въ таинствѣ по освященіи даровъ. Ясно, что и здѣсь обнаруживается вѣра въ претвореніе внѣшнихъ элементовъ таинства, евхаристія объявляется особенно важнымъ священнодѣйствіемъ, совершаемымъ по заповѣди Спасителя, — дары, предлагающіеся въ ней, освящаются и претворяются наитіемъ Св. Духа, по молитвѣ литургисующаго.

Результатъ изслѣдованія. Изъ разсмотрѣнія твореній св. архіепископа константинопольскаго Іоанна Златоуста вытекаетъ слѣдующее догматическое ученіе о таинствѣ евхаристіи: 1) св. отецъ, различая въ таинствѣ двѣ стороны: внѣшнюю и внутреннюю — благодатную, многократно и съ особенною настойчивостію

¹⁾ Ἐπεὶ προσφερόμεν σοι τὴν λογικὴν ταύτην καὶ ἀναιμακτον λατρείαν, καὶ παρακαλούμεν καὶ θεομεθα καὶ ἱκετεύομεν κατὰπεμπτον τὸ πνεῦμά σου τὸ ἅγιον ἐφ' ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τὰ προκειμένα δῶρα ταῦτα. (Καὶ ἀνίστάμενος σφραγίζων, λέγων μυστικῶς). Καὶ ποιήσον τον μὲν ἄρτον ταῦτον τίμιον σῶμα τοῦ Χριστοῦ σου, μεταβαλὼν τῷ πνεύματί σου τῷ ἁγίῳ. Ἀμήν. Ἐὸ δε ἐν τῷ ποτηρίῳ ταύτῳ τίμιον αἷμα τοῦ Χριστοῦ σου, μεταβαλὼν τῷ πνεύματί σου τῷ ἁγίῳ (ὁ ἱερεὺς μυστικῶς). — Ὅστε γενέσθαι τοῖς μεταλαμβάνουσιν εἰς νῆψιν ψυχῆς, εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν, εἰς κοινωνίαν τοῦ ἁγίου σου πνεύματος, εἰς βασιλείας πλήρωμα, εἰς παύσησιν τὴν προς σὲ μὴ εἰς κρίμα ἢ εἰς κατάκριμα. — В u n s e n, Hippolitus und seine Zeit, Leipzig, 1863, S. 555.

развиваетъ мысль о дѣйствительномъ присутствіи тѣла и крови Господа Іисуса Христа въ евхаристіи, такъ что нерѣдко даже совершенно повидимому игнорируетъ видимые элементы; 2) весьма ясно учитъ о реальномъ принятіи Христа вѣрующими, а не о духовномъ только, центральномъ единеніи съ нимъ, утверждая, что тѣло Христа сообщается не душѣ только причащающагося, но вмѣстѣ и тѣлу, принимается тѣлесно; 3) признаетъ существенное тождество евхаристическаго тѣла съ земнымъ, воспринятымъ Сыномъ Божиимъ при воплощеніи, видя въ нихъ лишь различныя явленія одного и того же тѣла Господа Христа; 4) твердо вѣруя, что всѣ евхаристическія жертвы одинаковы, такъ какъ каждую изъ нихъ устрояетъ Самъ Христосъ, іереи же занимаютъ только мѣсто слугъ, съ опредѣленною высказывается за идею претворенія даровъ наитіемъ Св. Духа, хотя и не раскрываетъ вполнѣ этого взгляда; 5) представляетъ св. евхаристію дѣломъ безконечной любви къ намъ Спасителя и считаетъ ее актомъ, служащимъ къ воспоминанію какъ искупительной смерти Христа, такъ и всѣхъ другихъ неизреченныхъ благодѣяній Божіихъ роду человѣческому; 6) учитъ, что причащеніе доставляетъ безсмертіе и вѣчную жизнь, что вѣрующій чрезъ причащеніе становится однимъ тѣломъ со Христомъ, между тѣмъ какъ недостойно причащающійся въ свое осужденіе ѣсть и пьетъ; 7) довольно опредѣленно трактуетъ объ евхаристіи, какъ жертвѣ; 8) показываетъ отношеніе этой безкровной жертвы къ кровавой жертвѣ Голгоетской, признавая въ нихъ тождество и по существу и по Совершителю; 9) вообще въ ученіи св. Златоуста о таинствѣ евхаристіи замѣчается богатство, разнообразіе, глубина мыслей, ясность, раздѣльность представленія, убѣдительность изложенія; недостаетъ лишь обобщенія, системы, и 10) дошедшая до насъ литургія съ именемъ св. архіепископа константинопольскаго служить немаловажнымъ подтвержденіемъ изложенныхъ мыслей.

А. Кирилловъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**